

Мельникова Марина

An illustration of a man and a woman standing in front of a brick wall. The woman, on the left, has long blonde hair and is wearing a red, off-the-shoulder, floor-length gown with a fitted bodice and a full skirt. She is adorned with a necklace, a bracelet, and a headband. The man, on the right, has dark hair and is wearing a red long-sleeved shirt and dark pants. He has his arms crossed and is looking towards the viewer. The background is a dark brick wall with two small, glowing yellow lights in the upper right corner.

Эффект домино

Издательство «ЛИТЕО»

Annotation

Здравствуй, дружок! Хочешь, я расскажу тебе сказку? Представь себе, давным-давно жила-была на свете Анна Орлова, язва еще та и вредная, как фастфуд. Но однажды свалился на ее светлую голову гость из будущего, темного и мрачного. Не простой гость, а самый настоящий принц заморский, величавый... Нет, не так, вернее, не совсем так. В далеком, далеком будущем жил был на свете темный и мрачный советник — телепат. И было у него все для счастья дом полная чаша, друг ситный. И решил он жениться на тихой, скромной принцессе писанной, разрисованной. Но вмешалась ревнивая волшебница, пальчиком взмахнула, и миры их разбились... Вот как-то так, или может не совсем так, но ты проснешься в мире невозможном, где-то между будущим и прошлым...

Марина Мельникова

Эффект домино фантастический роман

Небо полыхнуло. Яркое разноцветное свечение озарило его синеватую черноту. Звезды, такие яркие и далекие, замигали под музыку галактики: тягучую, обволакивающую, заунывную. Луна скрылась во всепоглощающем буйстве красок, словно спасаясь бегством. Трубный низкий гул всколыхнул каждый атом мироздания. Природа замерла. Звуки и запахи перестали существовать. С микроскопической точки начало расширяться пульсирующее свечение, постепенно обретая четкие очертания. Образовавшаяся ярко-синяя воронка со страшной силой затягивала все, что попадало в нее. Казалось, этот мощный космический водоворот камень за камнем затянет всю Землю.

В центре небесного вихря возникла висящая в воздухе девичья фигурка. Атом в бушующей стихии. Несмотря на хаос, царивший вокруг, она спала, безмятежно скрестив руки на груди. Спящий ангел. Жестокие порывы ветра, словно обходили ее стороной, даже не колыхая подол ее темно-бордового платья.

В голове, о стены подсознания, билось только одно слово: «Спасти... Спасти... Спасти...»

Из воронки донесся до боли знакомый голос:

— Ты же просил о ней позаботиться? Я позабочусь...

К этому голосу присоединились и другие. Их хор мрачным предвестником надвигающейся беды начал разрастаться и звучать одновременно отовсюду и ниоткуда.

Бриар¹, вздрогнув, проснулся. Прядь каштановых волос на лбу была мокрой от испарины.

— Снова этот сон, — со злым раздражением прошептал он.

— Ты где, Бака²?

Он почувствовал, что зов дошел до адресата и мир духов, с которым он жил бок о бок, ожил. Воздух всколыхнулся, как вода в озере, разбегаясь кругами. Внешние круги его ярко вспыхнули, мощнейший магический всплеск и чужой разум вклинился в сознание. В комнате появилась голограмма нелепого ухмыляющегося существа.

— Ты звал меня, сын Юны?

Бриар спросонья мрачно разглядывал ночного гостя, словно видел впервые его широкую, с костистыми надбровными дугами, морду, которая напоминала восковую маску, и тонкий хоботок, которым он затягивал и поедая плохие сны. Темные, огромные, как плоски, глаза непроницаемо смотрели на лежащего в кровати молодого человека.

— Почему этот сон мне постоянно снится? — устало проворчал Бриар, вытирая выступившие капельки пота тыльной стороной ладони.

На теле мистического существа мелькнули полыхнувшие зеленым светом руны. В голове возник уклончивый ответ:

— Ты же знаешь, что ничего в жизни не бывает просто так.

— Спасибо, — съязвил Бриар, окончательно просыпаясь, — мне сразу вдруг полегчало.

Маленькое существо прыгнуло на кровать и подошло близко-близко, поставив передние лапы на подушку. Светлая шерстка светящимся ореолом вокруг его шеи встала дыбом. Бриар, как в зеркале, увидел себя в огромных черных глазах пожирателя снов. Крохотный хоботок существа коснулся его лба, и в голове опять возник голос:

— Сон можно и убить, а если он...

Существо начало растворяться в пространстве. В голове зазвучал постепенно таящий шепоток:

— Воронка — время...

Сон как всегда оставил после себя неприятный осадок, некое отвратительное ледяное послевкусие.

Стоял апрель. Позади были зимняя слякоть и грязь. Солнце щедро дарило свет и играло лучами в маленьком прудике рядом с особняком. Бриар, поднявшись, залюбовался открывающимся из его окна видом, но мысли о сне продолжали одолевать его. Неосознанно Бриар вновь и вновь возвращался к этому апрельскому дню, дню, с которого все началось... Он был приглашен на светский раут, посвященный двадцатилетию самой красивой девушки столицы — Авроры Моро. Она и должна была стать главным украшением предстоящего торжества.

Еще не стемнело, и большие незанавешенные окна пропускали внутрь просторного танцевального зала последние лучи заходящего солнца. Украшенный цветами зал был заполнен гостями до отказа. Ярко одетые дамы торопливо набрасывали на руки ухажеров, облаченных в строгие черные костюмы, свои накидки, шали, меха. Хозяин с его единственной дочерью Авророй встречали прибывающих гостей. Знатнейшие и известнейшие мужчины и женщины проходили мимо хозяев торжества нескончаемым потоком, растворяясь в пространстве огромного загородного особняка могущественного господина Моро.

Среди сияющих красавиц Бриар видел только ее, Аврору, высокую девушку с яркими золотисто-рыжими волосами. Ее огромные пронзительно голубые глаза искрились и сияли. И счастье — эти улыбающиеся глаза часто останавливались на нем.

Прошло уже сто пятьдесят лет после войны, однако женщины с рыжими волосами и голубыми глазами до сих пор вызывали страх. Их рождалось все меньше и меньше, и все они были изгоями. Авроре повезло: она появилась на свет в могущественной семье, и мир вынужден был принять ее.

Рядом с Авророй крутился мрачноватый темноглазый юноша, ее жених, господин Берсе. Пара разительно не подходила друг к другу. Их помолвка казалась нелепостью, пророчащей загубить жизнь девушке. Впрочем, все это не имело значение. Выбор отца Аврора не обсуждала, так как всю жизнь ее готовили к тому положению, которое она занимала, и будет занимать в будущем.

Богатые семьи не особенно доверяли чувствам, ведь они могут завести в тупик. Любовь существовала, но в мире, находящемся за пределами роскошных особняков, где напоминала о себе лишь на страницах замусоленных старых романов, которыми девушки обменивались тайне от родителей. Аврора весело смеялась и болтала, но Бриар улавливал ее горькие мысли. Она глубоко страдала. Предстоящим замужеством девушка была приговорена к духовной смерти. А вслед за этой смертью будет медленно и мучительно умирать и ее телесная оболочка.

Бриар краем уха уловил шепот, которым обменивались стоящие неподалеку дамы. Он обернулся и увидел, как улыбаясь, они смотрели на горделиво приближающуюся Аврору, которая слегка им кивнула.

— Вы просто обворожительны сегодня, — воскликнула одна из женщин, кивая ей в ответ.

Едва девушка оставила дам позади, они вновь зашептались, и вдруг их кружок взорвался

злым язвительным хохотом. Их взгляды отравленными стрелами пронзили спину Авроры, и Бриар, поморщившись, отвернулся.

Однако он мог их понять. Утонченная красота девушки вознесла ее на недостижимую для прочих вершину. Для многих в этом зале она была богиней, и многие же тайно и страстно желали ее низвержения. Аврора в своем темно-бордовом струящемся платье, рубиновом ожерелье, с золотыми кудрями, плыла по залу блистающим огоньком, зажигая в сердцах восхищение и, увы, черную зависть.

В разгар веселья двери в зал распахнулись, и вбежал мужчина в военной форме в сопровождении пары вооруженных людей. Несколько девушек взвизгнули, а Аврора удивленно посмотрела на вторженцев.

— Нашли Химер! — закричал вбежавший. — Опять эти твари!

— Как опять? Сколько это может продолжаться! — гневно воскликнул господин Моро.

— Мы вышли на них совершенно случайно. Они прятались в подвале, одного застрелили при попытке к бегству, а двоих сейчас допрашивают, — четко отрапортовал старший по званию.

В зале воцарилось напряженное молчание. Вокруг вошедших столпились гости, пытаясь уловить подробности.

Глава государства Санта-Спес³, господин Френсис Моро, владелец третьей части его богатств, был мечом, карающей дланью человечества. Это был полноватый человек со включенной шевелюрой и горящими яркими голубыми глазами, доставшимися Авроре по наследству. В этом горящем надменностью взгляде светился холодный и острый ум. Все его убеждения и политические, и частные сводились к одному: неприятие. Это неприятие выражалось во всем, с чем он соприкасался, устанавливая свои правила и рамки. Правда Аврора, пользуясь родительской любовью, порой нарушала установленные отцом правила.

Вопреки своему обычному показному бесстрастию, господин Френсис Моро был неприятно поражен этой новостью. Сбросив с себя маску хладнокровия и приняв торжественный вид, подобающий человеку, на которого возложен высший долг, он зло прошипел:

— Их бесполезно допрашивать, они все равно ничего не скажут. Надо искать, надо продолжить поиски Великой Химеры, этой рыжей бестии.

Возглас ужаса прошелся по рядам приглашенных. Великая Химера — их мать, их госпожа давно уничтожена.

— Господин Моро, — решил на ответ прибывший, — Великой Химеры давно уже нет в нашем мире. Эти кучки иной расы пытаются выжить без нее, поэтому и попадают так глупо.

— Я не спрашиваю вашего мнения, Салли, — хмуро произнес Моро, — я приказываю. Эта раса научилась искусно маскироваться, прошло уже более сотни лет, а их все не уничтожить! Значит, Химера где-то прячется!

Бриар, опустив голову, отошел к окну. Его зеленые глаза вспыхнули недобрым огнем, а ироничная усмешка, унаследованная от далекого предка, изогнула тонкие губы. Вернул его из раздумий нежный голос подошедшей девушки:

— Господин Конте, что вы обо всем этом думаете? Он с лукавой улыбкой взглянул на Аврору.

— Я ничего об этом не думаю, Аврора. Посмотрите, какой замечательный вечер!

Он приглашающим жестом указал на уютную, уже позеленевшую лужайку за окном.

— Правда, любоваться природой лучше в тишине, — молодой человек, опять улыбнувшись, кивком указал на небо, где порхали бабочками легкие облака, порозовевшие от догорающих закатных лучей солнца.

Девушка непонимающе на него посмотрела.

— Станный вы человек, господин Конте, — покачала она задумчиво головой, а потом, пройдясь взглядом по залу, прошептала, — на нас все смотрят.

— Но нам ведь все равно, правда? — он, взяв ее руку в свою, по-рыцарски поцеловал, а потом добавил. — А знаете что, называйте меня просто Бриаром.

Он понимал, что Аврора с легкостью может увлечь его за собой, стоит лишь улыбнуться, посмотрев в глаза.

— Бриар, почему их, — она неопределенно махнула рукой в сторону двери, — называли Химерами?

Аврора опять попробовала вернуться к интересующей ее теме. Молодой человек, не отвечая, вопросительно посмотрел на девушку, побуждая конкретнее выразить занимающую ее мысль.

— В греческой мифологии Химера — это какое-то невообразимое чудовище: голова льва, туловище козы, хвост змеи. А люди, которых называют Химерами, такие красивые, — девушка мечтательно подняла глаза к потолку, вызывая в памяти образ виденных Химер.

Она потупила взгляд, посмотрев на Бриара, а потом уточнила:

— За редким исключением.

Глаза Бриара блеснули смешинками:

— В отличие от обычных организмов химерами называются животные или растения, разные клетки которых содержат генетически разнородный материал, — и, уловив непонимающее выражение лица девушки, с улыбкой уточнил, — мутантов одним словом.

Аврора с ужасом на него посмотрела, обхватив ладошками щеки:

— Я и не думала, что все, о чем так упорно говорилось, связано с мутациями. Расскажите... Бриар улыбнулся. До сих пор информация о мутациях была не то, что тайной за семью печатями, а закрытой в надежный и тщательно охраняемый сейф. Открывая эту тайну Авроре, он был твердо убежден в том, что она часть этой тайны, и должна об этом знать.

В этот момент к ним подошел господин Моро и, окинув их взглядом, он прервал диалог:

— О чем это вы шепчетесь? — подозрительно спросил он.

— Господин Конте мне рассказывал о происхождении видов, — поспешила ответить Аврора.

— Да вы что, — с сомнением протянул господин Моро, — хотя я подозревал, что мой советник хорошо осведомлен о многих вещах.

А потом, качая головой, обратился к дочери:

— Нехорошо оставлять жениха в одиночестве.

Аврора с трудом подавила грустный вздох и, глазами затравленной лани посмотрев на Бриара, откланялась.

— И что ты думаешь? — господин Моро переключил внимание Бриара на себя.

— Вы о Химерах? — спросил он, только чтобы спросить.

— Именно.

— Попадаются единичные экземпляры, мы их спокойно нейтрализуем, нужно только

время и терпение, — успокоил его Бриар.

— Может, ты и прав, — протянул Моро, — они сейчас не посмеют использовать открыто свои способности. И у меня будет к тебе одна маленькая просьба, — сказал он с жестким выражением лица, — проследи, чтобы тщательнее прочесали город, а то сам знаешь, филонят.

Ранним утром того же дня к одному из многочисленных невзрачных и неопрятных домов за Базарной площадью, подошел худосочный молодой человек. Матовая бледность была разлита по его невыразительному лицу, а цвет запавших глаз невозможно было определить. Небольшие усы и борода клинышком скрывали вялый безвольный рот.

Незнакомец довольно долго с сосредоточенным видом сверялся с какими-то записями в блокноте и номерами окружающих его домов, а потом решительно направился к одному из них. Постучавшись в неказистую с облупившейся краской дверь, и не дождавсь ответа, он шагнул в маленькую конторку.

Войдя, молодой человек остановился на минуту, чтобы глаза привыкли к полутьме, да и просто затем, чтобы осмотреться. За столиком сидел рыжеволосый невысокий мужчина лет пятидесяти, разглядывавший что-то с помощью лупы. Когда в проеме двери появился незнакомец, мужчина это что-то быстро спрятал в карман потертых брюк и вскочил, наострив уши и почтительно склонившись. Он от души надеялся, что неожиданный визит позолотит его карманы.

— Добрый день! — произнес он, склонившись еще ниже, и в полупоклоне замер.

На голос вышла грузная женщина средних лет. Она вытирала руки о засаленный передник и с интересом уставилась на посетителя.

Вошедший молча кивнул в ответ. Хозяин конторки, угадав желание молодого человека поговорить наедине, подвинул ему стул и жестом отправил женщину восвояси.

— Прошу садиться, — сказал он, рассматривая молодого человека.

— Чем могу служить?

— Вы Финик, если не ошибаюсь? — осведомился посетитель, не глядя тому в глаза.

— Да, господин, — осторожно, понизив голос, произнес хозяин.

Молодой человек явно колебался, мысленно оценивая надежность собеседника. Хозяин, почувствовав это, сказал:

— Господин, вы можете говорить со мной так откровенно, как говорили бы с собой. Я могила!

Для подтверждения своих слов он комично зажал себе рот ладонью.

— Если хотите, то мы можем пройти в смежную комнату, там уж точно нас никто не услышит.

Мужчина поднялся и рукой пригласил молодого господина в указанную комнату. Окна в ней выходили на другую сторону улицы, а посередине стоял длинный стол, заваленный каким-то тряпьем. Было ясно, что донельзя учтивый хозяин занимается скупкой краденого. Посетитель не без колебаний последовал за ним и опять уселся на предложенный массивный стул. Мысль посвятить незнакомому человека в свои дела претила ему. Он повернулся в сторону окна и уставился на улицу, на которой кипела базарная жизнь. Финик затворил дверь и опять заговорщицки уставился на молодого человека, не желая нарушить, раньше времени его молчание. Шли минуты, молодой человек молчал.

— Итак, чем могу быть вам полезен, господин, — хозяин конторы остановился в надежде, что узнает фамилию странного посетителя.

— Я все еще не уверен, рассказывать ли мне о деле, с которым я пришел, — медленно произнес гость, — это дело сугубо частного характера.

Он замолчал, принявшись рассматривать собеседника, словно пытаясь проникнуть в его мысли. Взгляд молодого человека был довольно отталкивающим.

Хозяин не мог себе толком объяснить, что в поведении посетителя его сместило, а что раздражало. Он видел его насквозь, читал в тайных уголках его души, но при этом вынужден был кривить губы в жалкой, заискивающей улыбке.

— По известным причинам я не открою вам своего имени, — сухо произнес молодой человек.

— Как скажите, — мягко ответил хозяин, улыбнувшись довольно неприятной улыбкой, — я хотел сказать, что вы спокойно можете не называть себя. В нашей среде имя собеседника совсем не важно. И еще смею вас уверить, что все сказанное вами останется в тайне. Нам важно сохранить, как это сказать, авторитет нашей организации. Мы не можем злоупотреблять доверием наших клиентов и не вмешиваемся без необходимости в их дела.

Произнеся этот достаточно длинный монолог, Финик выдохнул, проведя тыльной стороной руки по взмокшему лбу. А потом пристально посмотрел на молодого человека, ожидая ответа.

— Вы правы, но мне придется перемывать прилюдно грязное белье.

Оба некоторое время молчали.

— Ну что ж, — произнес посетитель, наконец, решив озвучить дело, с которым он пришел в это сомнительное место, — думаю, я могу вам доверять, и к тому же я хорошо заплачу за работу.

Молодой человек опять помолчал какое-то время, а потом добавил:

— Но хочу предупредить, у меня длинные руки, и если что-то пойдет не так, например, предмет, о котором пойдет речь, узнает о нашем разговоре, то сами понимаете, что такое не останется безнаказанным.

Гость взглянул на Финика, словно решая про себя, дошла ли до собеседника его очень тонкая угроза.

Хозяин хитро ухмыльнулся:

— Мне ясно, что вы не будете говорить сверх того, что требует необходимость. Нам достаточно имени лица, ради которого вы пришли. Конечно, более точные данные упростят работу. Сообщите мне ровно столько, сколько найдете нужным, а остальное наше дело.

— Хорошо, в таком случае, — сказал молодой человек, все еще внутренне сопротивляясь, — вы знаете Бриара Конте?

— Одну минутку, — Финик побежал за бумагой и карандашом, — я запишу, как?

— Записывать не надо, — посетитель решительно отстранил его руку с карандашом, готовую начать строчить по бумаге, — вы и так знаете этого человека.

— Бриар, Бриар, — повторял мужчина, пытаясь вспомнить, — а-а-а! Красавец советник, как же, как же.

Гостя передернуло, и лицо его страдальчески нахмурилось.

— Да, вы правы, — пробормотал он.

— Так что нужно-то?

— Уничтожить! — прошипел молодой человек, мерзко скривившись, как будто перед ним возникла огромная крыса, и во что бы то ни стало эту крысу надо убить. В груди его закипела ненависть.

Финик был несколько обескуражен, ведь убить такого знатного господина было не то же самое, что обокрасть.

«Опасно! Черт, опасно!», — пронеслось у него в голове, а вслух он произнес:

— Что ж, ваше чувство мне понятно.

— Кто вы такой, чтобы судить о моих чувствах? — взвизгнул собеседник. Его рука сжалась в кулак.

От вскрика гостя и собственного страха у Финика пробежали мурашки по спине. Он охотно бы принял участие в воровстве, но убийство... Своровать, по его разумению, означало всего лишь заработать себе и семье на пропитание, а убить — загубить душу, пусть даже такую черную, как у скользкого советника мерзкого господина Моро.

— Простите, господин, я понял ваше желание, — пробормотал Финик, — сегодня же вечером поговорю с ребятами, хм, коллегами, а потом сообщу вам стоимость работы, вот только...

— Я сам зайду к вам. Завтра. Сегодня мероприятие, на котором я должен присутствовать. Все! — хмуро подытожил молодой человек. — Когда вы сможете исполнить это?

— Что ж, что ж, что ж, — затараторил хозяин, глаза его заблестели, почуяв немалые барыши, — тут много времени не потребуется, дня три-четыре.

Деньги решают все, и на этот раз, задвинув на задний план главную заповедь Ветхого Завета, «не убий», Финик сделал выбор в пользу денег.

— Я хотел бы, чтобы дело было сделано, как можно быстрее. Мужчина невольно потер ладонями:

— Я вас понимаю, господин. Положитесь на меня. Вы будете иметь дело с лучшими, — он запнулся, — агентами, а они заслуживают полного доверия. Можете быть спокойны. Ваше дело в надежных руках!

Молодой человек кивнул и, кинув на стол щедрый задаток, направился к выходу. Финик проводил гостя до двери и с радостным оживлением, потирая руки, побежал в дальнюю комнату прятать свалившееся вдруг богатство. А потом, перевернув кипу одежды, он вытащил пиджак серого цвета и, на ходу натянув его, выскочил из дома.

Посасывая травинку, Бриар лежал на траве, подперев голову обеими руками. Возвращаться домой не хотелось, и единственное место, где он чувствовал себя хорошо и спокойно, был разбитый на пустыре парк.

Этот парк посадили и взрастили его предки после войны. Утренняя роса уже легла на пробившуюся траву, его плащ промок, Бриар зябко передернулся, но остался лежать, не отрывая взгляда от неба. И стоило первому солнечному лучу пробить себе дорогу, как в небе, словно открылись врата, и из них вышла рыжеволосая голубоглазая женщина. Ее появление напоминало мифы о богах, которые, сражаясь с мраком вечной ночи, милостиво даруют людям солнечный свет. А она была ослепительнее самого солнца и прекраснее рассвета, она, Великая Химера.

— Наконец-то я застала тебя одного! Пошли! — сказала она, протягивая Бриару руку.

В ее взгляде читалось нетерпение.

Молодой человек неторопливо уселся, все еще держа в зубах травинку, а загорелое надменное лицо осветила улыбка.

— Великая благодать сошла на нас грешных! — вяло произнес он, поднимаясь.

В женщине чувствовалась фантастическая неземная сила, ударной волной сбивающая с ног, лишаящая рассудка. Бриар физически ощущал эту подавляющую силу. Хотелось встать на колени, удариться головой о землю, поднять руки, воздавая хвалу. Великая Химера!

Она высокомерно вскинула голову:

— Господин Конте предпочитает отдых на траве? Ваши скромные апартаменты не подходят для этой цели?

— Сегодняшняя ночь, прекрасная госпожа, меня вдохновила, во мне проснулся бродяга! — с иронией ответил он.

Измочаленная травинка полетела на землю.

— Я вижу, ты мне не рад? — спросила девушка.

— Лисса, душа моя, я о тебе думаю и днем, и ночью! — ответил он, оторвав губы от руки девушки и иронично посмотрев сверху вниз ей в глаза.

— Я соскучилась, — просто сказала она, откинув голову и подставляя губы для поцелуя. Сейчас ее подавляющая аура рассеялась, и перед ним стояла обычная девушка, нежная, хрупкая, ищущая защиты и любви.

— Пойдем, пока ты раздумываешь, портал закроется! Она взяла его за руку и увлекла за собой.

Миновав пространство, они очутились у стен замка, на мощенной камнем дорожке. Глядя на сам замок и окружающее его пространство, можно было с уверенностью сказать, что принадлежит он королевской особе. Однако в отличие от людских тяжеловесных и пафосных дворцов, в этом месте все было предназначено для того, чтобы дать отдых душе и разуму. Миром и гармонией дышали растения, едва затянутые в корсеты клумб, спокойствием веяло от статуй и тенистых беседок. Ветерок доносил нежный запах сирени.

— Боже, я и забыл, как здесь хорошо! — воскликнул Бриар, раскидывая в восторге руки и вдыхая нежный аромат цветов полной грудью.

— Ну да, — с грустью сказала Лисса, — ты совсем меня забыл, а я ведь дана тебе Богом.

— Только за какие грехи, не знаю, — прошептал он.

Пропустив колкость мимо ушей, она сделала какойто неопределенный жест, который, видимо, должен был означать: «Прощаю пока что». Бриар поймал ее руку, искорки смеха плясали в его глазах.

— А ты стала злой, — заявил он.

Лисса поправила упавшую на лоб рыжую прядь и, взглянув на него, спросила:

— Ладно, хватит о пустяках! Скажи лучше, ты голоден?

Его гримаса ответила лучше всяких слов. Она, встряхнув длинными волосами, пошла вперед. Бриар же по-хозяйски спустился в винный погреб, вернувшись обратно с бутылкой отменного красного вина. Лисса передала ему фужеры, сделала глоток, и ее щеки порозовели.

— Ешь, Бриар, — сказала она, взглядом указав на ломившийся от блюд стол.

— Кроме меня ты еще кого-то пригласила на завтрак? — удивленно спросил он.

— Этот день будет посвящен только тебе, — засмеялась она и удобно устроилась на софе напротив.

— Я просто умираю от голода! Душа моя, ты не присоединишься? — перекинув белоснежную салфетку через руку, в полупоклоне склонился Бриар, приглашая даму к столу.

— Пока ты будешь расшаркиваться, все остынет! — ее глаза полыхнули синим огнем. — Ешь! — сощурившись, строго приказала Лисса.

— Да, моя госпожа, — отсалютовал он, прикоснувшись кончиками пальцев ко лбу.

Уговаривать его не пришлось, тем более что от стола шли аппетитные запахи. Лисса медленно смаковала вино и с удовольствием наблюдала за Бриаром. Он ел с наслаждением, уже не предлагая девушке присоединиться.

— Мне сегодня несказанно повезло! Я завтракаю в обществе самой красивой женщины в мире! — сказал он с легкой усмешкой.

— Несомненно, только перед нашей встречей ты думал о другой самой красивой женщине в мире, — спокойно констатировала Лисса.

Бриар молча смотрел на нее дерзким оценивающим взглядом, а потом медленно, с расстановкой сказал:

— Не хорошо копать в чужих мыслях без разрешения.

Девушка пожала плечами. Его ирония, порой переходящая в цинизм, порой ужасно действовала ей на нервы. Но именно эти качества в нем так притягивали.

Наевшись, он откинулся на спинку стула.

— Спасибо, дорогая, не дала погибнуть от голода, — с довольной улыбкой произнес мужчина.

Вместо ответа она быстро осушила бокал, чувствуя на себе его взгляд, в котором появился знакомый манящий огонек. Бриар, качнув в воздухе бокалом в ее сторону, словно чокаясь, последовал ее примеру, допив напиток. Лисса приблизилась и, усевшись на его колени, погрузила свои тонкие пальчики в его густые каштановые волосы.

С полуприкрытыми глазами она, обхватив руками его шею, поцеловала Бриара. Его руки обвились вокруг нее. Волна неудержимой страсти накрыла и унесла их на край вселенной. Время для двоих остановилось. В этой вселенной они пребывали, казалось, целую вечность, потом время вновь возобновило свой бег.

— Ведьма, ты моя! — прошептал он ей на ушко, крепко обнимая.

— Обозвал за что-то, — жеманно надув губки, сказала она.

— Отчего же? Ты меня накормила, напоила и спать уложила, может, в сказках именно

такие сногшибательные ведьмочки привораживают молодцев.

— Но молодец не привораживается, — грустно произнесла она, — сколько лет мы вместе?

Он встал, надевая халат, а потом, присев на краешек кровати, провел ладонью по ее щеке неспешно и ласково.

— Мы с тобой вместе тысячу лет, — произнес он, улыбаясь.

— Столько даже Химеры не живут, — она задержала на щеке его руку и поцеловала ладонь, — тогда почему ты меня избегаешь? Почему ты не хочешь, чтобы мы были вместе?

— Ты забыла, родная моя, что оттолкнула меня сама когда-то, — невесело сказал он. А потом мягко по-кошачьи сошел по ступенькам к столику, на котором стояли кувшин с холодным вином и несколько старинных кубков.

— А я ведь любил тебя, душа моя, тогда, — сказал он с ироничной ухмылкой, — и...

Лисса неожиданно быстро оказалась рядом, положив ладонь на губы Бриара.

— Мы уже давно это выяснили, — пробормотала она, морщась словно от боли, — ну прости меня. Я бываю неправа, глупа, жестока, ядовита. Но ты же знаешь, как я люблю тебя!

Ее глаза были полны мольбы. Однако Бриар знал, что перед ним во всей своей красе стоит Великая Химера, и ее смирение — всего лишь маска.

— У ядовитых грибов есть один общий признак: юбка на ножке, — не удержался он.

Лисса усмехнулась, покачав головой:

— Bravo, господин Конте, ты всегда оставляешь за собой последнее слово. Только неизвестно, кто из нас ядовит больше.

Пространство между Бриаром и Лиссой начало светиться и потрескивать. Он, проведя рукой в воздухе, рассеял возникшее магическое напряжение. А потом, подойдя вплотную к девушке, с безучастным выражением лица прошептал:

— Не злись, радость моя, мы, как север и юг, как пламя и лед, всегда противостояли друг другу. Мы давно уже научились получать удовольствие от таких минут, а жизнь ведь состоит не только из них. Я не прав?

Она насмешливо улыбнулась, ее голубые глаза потемнели, став опять темно-синими, вспыхнув недобрым огнем.

— Выпей, — Бриар протянул ей кубок с вином, — и расслабься.

Молодой человек знал, что вспышки гнева Великой Химеры легко можно погасить. Правда, простым смертным этого делать не стоит. Можно перестать быть смертным в один момент, перейдя в иное состояние.

Лисса, взяв кубок, вернулась на только что покинутое ложе.

— Скажи, почему ты отказываешься возглавить оппозицию? — перевела она разговор.

— Потому что мне надоела эта бесконечная гражданская война, — просто ответил он.

Девушка зло расхохоталась:

— И давно ты стал таким защитником человечества?

— А ради какой великой цели проливается кровь? — холодно спросил Бриар.

— А ты забыл, что детей Юны, твоих братьев, истребляют! — мрачно ответила Лисса.

— Если бы не твои подстрекательства, давно все жили бы в мире и покое.

Она взвилась, зло посмотрев в его глаза:

— Ты перестал меня устраивать, советник. Ты перестал мне подчиняться. С тобой или с помощью другого человека я отомщу за наших уничтоженных предков...

— Человека? — немало удивившись, перебил он. — Человек поведет в бой неокрепших

сосунков-Химер? Ты смеешься надо мной?

Лисса рассмеялась:

— Н-да, это действительно смешно. В тебе заговорила кровь Химеры?

Бриар, подойдя к Лиссе и взяв за подбородок, резко приподнял ее голову:

— Посмотри, как живешь ты, и как живут дети Юны, о которых ты печешься в моем мире.

Он раздраженно махнул рукой в сторону окна, продолжив:

— Красота, чистота! Почему бы тебе не забрать их сюда?

— Прекрасно, приведи их! Ты же у нас святой!

Голос ее был холоден и спокоен.

— Если бы я и мог их всех собрать, то переправить в другой мир, не смогу, как и не смогу найти им этот другой мир. Это может только Великая Химера, если захочет, конечно.

Она заносчиво ухмыльнулась:

— Да, дорогой, чтобы путешествовать между мирами, нужно уметь открывать Врата Миров, как тот пес, который уже пятнадцать минут за нами наблюдает. Он ведь пришел сюда по твоим следам.

На середину залы, с достоинством вышагивая, вышло существо, отдаленно напоминающее гигантского черного волка. Его вытянутая морда со светящимися вертикальными зрачками находилась на уровне головы стоящего Бриара. Он, пройдясь по залу, вынюхивая что-то, вернулся и положил лохматую голову ему на плечо. Косматый хвост в раздражении подергивался.

— Вампал⁴, — улыбнулся молодой человек, почесав его за ухом, — успокойся, все хорошо.

От наслаждения существо закрыло глаза.

— Мальш, зачем ты пришел? — ласково спросил Бриар, все еще поглаживая огромное животное.

Лисса хмыкнула:

— Он почувствовал угрозу, твой защитник. Ты окружил себя сказочными персонажами, может, пора уже подрасти?

Бриар поклонился и, скрестив руки на груди, ответил:

— А тебе, душа моя, никогда не приходило в голову, что они сами тянутся ко мне, словно спасая от чего-то.

Молодой человек опять подошел к ней и, усевшись на край широкой кровати и притянув девушку к себе, ласково сказал:

— Послушай, оставь мой мир в покое, не разрушай то, что осталось от него, пожалуйста.

Он нежно поцеловал девушку. Взгляд зеленых глаз Бриара завораживал, Лисса расслабилась, растворившись в этих манящих глазах. Она, как маленький ребенок, убаюканная, лежала на его руках.

— Неужели ты, болван, не понимаешь, — со вздохом прошептала она, — разрушение твоего мира уже началось, и противостоять ему ты не сможешь. Все, что с тобой произойдет, предреши.

Вампал, спокойно лежавший у окна, поднял тяжелую морду с лап. Глаза его зажглись недобрым огнем.

— Что ты недоговариваешь?

Она, вскинув брови, покачала головой:

— Все хотят слышать о своем будущем, пока его не узнают.

Пока Бриар наслаждался обществом величайшей женщины на планете, Финик отыскивал братьев, способных выполнить довольно сложное, но весьма прибыльное задание. На Базарной площади обитало преимущественно беднейшее население, промышлявшее бродяжничеством, воровством и разбоем. Отовсюду там смотрели пронырливые бегающие глаза. Днем на улице было многолюдно: попадались торговцы, извозчики зычно зазывали клиентов, а также бегали туда-сюда с поручениями разносчики, по углам жались проститутки. Здесь редко можно было встретить модного господина или изящный экипаж, а дамы вообще предпочитали обходить Базарный район за тридевять земель. Из-за частых драк и поножовщин все прилегающие районы, кварталы, переулки периодически патрулировались.

Финик забежал в трактир, носивший пафосное название «Улыбка Фортуны», и присел за барную стойку рядом с девкой, чей род занятий не вызывал сомнений. Ее выцветшее, еще молодое лицо порозовело от выпитого дешевого крепкого напитка.

— Привет, Жужу! — радостно воскликнул Финик, увидев проститутку.

— А я тебя и разыскиваю.

— Ишь ты! — ответила она, ухмыляясь.

Финик полез в карман, разыскивая мелочь, а потом, отсчитав несколько монет, сунул их девке.

— На вот, тебе.

Жужу презрительно уставилась на мелочевку.

— Надо же! Чтобы Финик раскошелился! Мир перевернулся?

— Ну, ты не борзей, — раздраженно фыркнул рыжеволосый, — дело есть.

— Раз дело, выкладывай, а я посмотрю, насколько это дело потянет.

Девка, пятой точкой почувствовав, что на горизонте замаячила прибыль, по-царски вложила в руку Финика дарованную ей мелочь.

— Как знаешь, — буркнул он, высыпая деньги в карман. — Мне надо, чтобы сегодня вечером в трактире собрались наши.

— Тебе надо, ты и собирай, — Жужу, шумно выдохнув, опрокинула содержимое рюмки в рот.

— Дура! — смачно ругнулся он. — Хорошие деньги предлагают, а ты выеживаешься.

В это время к ним подошел степенный мужчина с необыкновенно честным выражением лица. Его глаза добродушно улыбались, глядя на сидящих завсегдатаев его заведения. На фоне грязи и довольно неприглядного интерьера мужчина выделялся чистотой и даже изяществом своего наряда. Посетители заведения испытывали к хозяину что-то вроде уважения, стараясь не учинять в таверне погромы, побои и дебоши, которые являлись частью местного колорита.

— Что пожелаете? — спросил он у Финика, поприветствовав его наклоном головы.

Финик постоянно поражался умению хозяина таверны одним жестом, выражением глаз возвысить любого, даже самого захудалого завсегдатая до уровня знатнейшей особы. Может, именно благодаря этому умению, в таверну со всех концов столицы стекались толпы желающих позубоскалить, поиграть в покер или вист и выпить горячительных напитков, конечно. В его таверне, как полагалось, были две половины: «чистая» и «грязная». В

«чистой» половине, как требовал негласный устав заведения, трапезничали более состоятельные граждане, торговцы или заезжие гастролеры. Правда, «чистая» половина таверны отличалась от «грязной» лишь наличием замызганных жиром и приправами скатертей, наброшенных на грубо сколоченные столы.

— Вино, ваше фирменное, — важно заказал Финик подошедшему с линиялым перекинутым полотенцем официанту.

В заведении подавалось виноградное сусло, которое начало бродить, но еще не стало готовым вином. Это молодое вино имело приятный сладковатый вкус и небольшую крепость. Как правило, такое вино брали только зажиточные граждане. Обычный люд предпочитал, как и сидевшая рядом проститутка, более крепкие напитки, которые позволяли с нескольких рюмок отлететь в мир их грез.

— Фи! Ни уму, ни сердцу, — скривилась Жужу, услышав заказ.

— Много ты понимаешь, — обиженно пробурчал Финик, а потом добавил более уверенным тоном, — ну, что, соберешь народ к вечеру, часам к девяти?

— Соберешь, умный какой. А мне что за это будет?

Финику очень хотелось огрызнуться, но он решил сдержаться, примирительно сказав:

— Если дело выгорит, то всем заплатят, честное слово.

Для наглядности он со всей силы ударил себя в грудь, слегка не рассчитав. От удара он поперхнулся и раскашлялся.

— Ладно, ловлю тебя на слове, — вяло пробурчала девка, сползая со скамьи, — заплатишь.

Финик не успел прийти в себя, как ее и след простыл.

— Вот, сука, — зло прошипел он.

Трактирщик только сочувственно улыбнулся, услышав с чувством брошенную фразу.

— Может, поесть что-нибудь? — вкрадчиво спросил он.

— Можно, — задумчиво почесав затылок, ответил Финик. Недалеко изрядно подвыпившая личность, стряхивая пьяную слезу, чувствительно загнусавила:

Шумел камыш, деревья гнулись,⁵
А ночка темная была...

Другая подвыпившая личность баском подтянула:

Одна возлюбленная пара
Всю ночь гуляла до утра.

Слушатели в полном восторге присоединились:

А поутру они вставали.
Кругом помятая трава,
Да не одна трава помята, —
Помята молодость моя.

Один, наиболее прочувствовавший глубокий смысл застольной песни, лихо топнув ободранным сапогом, пошел в пляс. Протяжная песня усилиями профессионалов превратилась в танцевально-плясовую. Через мгновение к нему присоединились и другие солисты.

Придешь домой, а дома спросят:
«Где ты гуляла, где была?»
А ты скажи: «В саду гуляла,
Домой тропинки не нашла»...

Финик, вздохнув, оглянулся. Где-то в глубине «грязной» половины гуляла компания разносчиков, а к деревянным колоннам, расположенным по периметру трактира, прилепились патрульные, пьяные и веселые. И не было никакой возможности отодрать их от этих колонн, за которые они со страшной силой держались, пытаясь при этом одной ногой притопывать под песню. Один из них между делом еще и жаловался хозяину, что развеселившийся сброд раскачивает таверну и мебель. Эйфория от обещанных барышей начала потихоньку испаряться, и опять засосало под ложечкой. А воображение предательски в красках рисовало мрачные картины недалекого будущего. Одно дело скупать краденое и промышлять мелкими делишками, другое — покуситься на второго человека в государстве, о могуществе которого слагали легенды. Финик начал озираться по сторонам, вглядываясь в каждое лицо, и вслушиваться в каждое их слово.

А между тем, пока Финик задумчиво рассматривал разгулявшихся завсегдатаев таверны, Бриар вместе с Вампалом покинули замок Великой госпожи. Однако и домой мужчина не очень торопился. Вампал перенес его на лесную опушку, почувствовав, что хозяину нужно побыть вдали от людей.

— Спасибо, дружище, — улыбнулся Бриар, потрепав чудище за ухом.

Глаза Вампала ярко сверкнули. Он привычно разлегся рядом с Бриаром, с наслаждением вдохнув чистый лесной воздух. Бриару захотелось закрыть глаза и раствориться в запахах и звуках леса, так как после общения с Лиссой его охватило холодное томительное чувство тревоги, объяснения которому Бриар не находил.

— Скажи, друг мой, — обратился он к Вампалу, — почему мне вдруг стало так плохо.

Чудище подняло тяжелую голову, пристально посмотрев своими желтыми глазами с вертикальными зрачками в глаза Бриару. В голове возник ответ:

— Великая Химера устанавливает свои правила игры, и ты в этой игре всего лишь пешка.

— Здорово, — горько усмехнулся Бриар, — я так и подумал.

— Я чувствую, что грядут большие перемены, — проигнорировав его иронию, опять передал мысль Вампал.

— Какие перемены?

Существо отвернуло морду, напряженно рассматривая появившегося на краю поляны зайца. А потом, растворившись туманом, неожиданно возникло над несчастным.

Бриар, ласково посмотрев на лохматого друга, усмехнулся:

— Война войной, а обед по расписанию!

— Аврора ведь любит меня, — размышлял Бриар по дороге домой, — хотелось бы увидеться с ней.

На проспекте с ним поравнялся известный в светских кругах старый повеса.

— Вы слыхали о скандале? — закричал он Бриару, комично сморщившись.

— Что произошло, — удивленно поднял брови Бриар.

И подумал: «Вроде недолго отсутствовал».

— Вы отстали, молодой человек, об этом говорит весь наш бомонд! Скандал! Какой скандал!

Повеса, обхватив свою голову двумя руками, комично качал ею из стороны в сторону, параллельно вращая глазами, словно подчеркивая значимость случившегося происшествия.

— Ну? — не выдержал Бриар.

— Аврора Моро... — сплетник опять сделал несколько выразительных па руками.

— Бог мой! Да скажите, наконец, что случилось?

Бриар, несмотря на великолепное самообладание и выдержку, немного побледнел. Он настолько отвык без причины копаться в голове собеседника, предваряя события, что, несмотря на нетерпение, ждал конца разговора.

— Она выразила свое несогласие по поводу замужества! Бедный, бедный господин Берсе!

— Не может быть... — пробормотал Бриар, выдохнув.

— Скандал! Об этом уже говорят все, решительно все!

Пожилой господин, отсалютовав Бриару, с радостью побежал разносить новость оставшейся в неведении части высшего общества Рейнара.

Бриар, облегченно вздохнув, привычно уверенным жестом подозвал извозчика и велел ему ехать домой. Через несколько минут экипаж остановился перед подъездом его особняка, и он быстро прошел в кабинет. Вскоре дверь кабинета отворилась, оторвав молодого человека от дел.

— Господин Конте, ваш кофе, — сказала дама, бывшая в его доме и домоправительницей, и служанкой. Она была единственным человеком в его окружении, которому он доверял как никому другому.

— Спасибо, Марго, поставьте.

Бриар на мгновение отвел глаза от кипы бумаг на столе. Господин Конте предпочитал находиться в тени, хотя великие возможности повелевать человечеством могли бы вознести его выше любого смертного. Ненасытные амбиции и жажда власти были уделом его предков, о которых он умалчивал. Бриар же предпочитал власть и политику скрытую, будучи доверенным лицом и советником господина Моро, возложившего на себя лавры царя и Бога, после разрушительной войны, отбросившей человечество на сотни лет назад.

Ему было двадцать девять лет и, казалось, для счастья у Бриара Конте было все: богатство, власть, могущество. Не было только любви, он был слишком занят, чтобы тратить время на женщин. Хотя такой аристократичный красавец с безукоризненными манерами привлекал внимание и манил дам, как яркий свет мотыльков. Самоуверенный, холодный, непроницаемый. Спокойное ясное лицо, глубокий взгляд и ироничная улыбка на устах, легко выражающая порой надменное презрение. И еще было то, о чем он молчал, как молчали и

его предки. Бриар, как и многие в его роду, был великим и могучим мутантом, сыном Юны! Именно из-за этого предкам Бриара пришлось сменить родовую фамилию и приспособиться жить с такими смешными, беспомощными и жестокими людьми. Правда, человечешки выиграли войну, но лишь благодаря своему количеству и оружию, сосредоточенному в их руках, но ведь могло...

— Господин Конте, я могу вас побеспокоить? — опять прервала его размышления служанка.

— Да, Марго, что случилось? — К вам госпожа Моро.

— Просите, — спокойно сказал он и, приподняв бровь, пробормотал, — интересно.

Когда вошла Аврора, ее расстроенный вид очень озаботил Бриара.

— Прошу прощения, — сказала она, — я почему-то приехала к вам.

Бриар улыбнулся, а потом, взяв девушку за руку, усадил на диван.

— Действительно, приехать ко мне, почему-то...

Уголки его губ иронично дернулись.

— Вы издеваетесь надо мной? — она подняла на него глаза, полные боли и стыда.

Бриар склонил голову. Его взгляд был мягок.

— Что вы, как я могу вас обидеть? — ответил он бархатистым голосом.

Мужчина видел все, что творится в ее голове.

— Вы, кажется, плакали? — спросил он.

Бриар чувствовал, как смущает Аврору его взгляд. Он подбодрил ее улыбкой.

— Как вы догадались? — спросила она, только чтобы потянуть время. Душа ее рвалась на части.

— Я заметил это по вашим глазам, — ласково ответил он, поцеловав руку.

Она расплакалась в ответ на его сочувствие и нежность.

— Я не могу выйти за него замуж, — она сказала это с какойто безгливостью и расплакалась сильнее.

Бриар, положив ее золотую головку себе на грудь, стал тихо перебирать шелковистые волосы. Аврора, как маленький ребенок, хлюпала носом и всхлипывала, переводя дыхание. В его объятьях сидел растерянный и обиженный ребенок.

— Почему ты не поговоришь с отцом? — спросил Бриар, сознательно перейдя на «ты».

Она покачала головой.

— Это бесполезно, отец считает этот вопрос решенным.

— Аврора, с чего ты взяла, что я могу тебе помочь? — опять спросил он, отстраняясь и смотря ей в глаза.

Аврора кивнула.

— Я почему-то в этом уверена. Ведь я, ведь вы... — девушка и сама до конца не понимала, что побудило ее броситься к едва знакомому мужчине.

Бриар молчал. Он знал, как никто другой, что человеку порой надо просто дать возможность сформулировать свою мысль. И тогда все станет на свои места.

— Я не знаю, — сдалась она, наконец, — вы кажетесь таким сильным, таким надежным, и отец полагается на вас.

Он усмехнулся.

— Милая девушка, нельзя доверять посторонним мужчинам, только руководствуясь тем, что вам «показалось», — спокойно ответил он, отходя к двери. — Марго, принесите нам чего-нибудь перекусить.

Аврора опустила голову на руки и расплакалась с новой силой.

— Ну что ж, мне не остается ничего другого, — сказала она, вставая и решительно направляясь к выходу.

Бриар преградил ей путь.

— Держи, любой стресс как рукой снимет, только одним глотком, — мягко сказал он, протягивая девушке бокал с виски.

Аврора удивилась, но повиновалась. Виски, протянутый Бриаром, был ей очень неприятен. Тем более что она не пила ничего крепче вина. Девушка, зажмурившись, поднесла к губам бокал с напитком, а потом, задержав дыхание, с омерзением отхлебнула. Напиток обжег ей горло, но, как ни странно, настроение улучшилось.

— Спасибо, — сказала она, поставив бокал на стеклянный столик.

— Вот, хорошо, — похвалил он, протягивая платок.

Наступило короткое молчание. У Авроры сложилось впечатление, что стоящий напротив молодой человек ее пристально изучает. Вернее, изучает ее мысли. Она со вздохом потянулась к только что поставленному бокалу, чтобы снять напряжение, охватившее тело и душу.

Бриар рассмеялся:

— Будьте осторожны, милая девушка, — сказал он, — напиток слишком крепкий для вас.

Аврора покраснела, а он с удовольствием созерцал, как расслабляется и смягчается ее до этого горестное выражение лица. Девушка начала терять ощущение времени и места. Рядом с этим человеком, она почувствовала спокойствие и легкость.

— Знаете, — заговорщицки зашептала она, — а Химеры, пойманные тогда, сбежали.

— Да вы что! — с улыбкой сказал Бриар.

Казалось, что это его нисколько не трогает.

— Вы снова издеваетесь надо мной, — покраснела опять Аврора, — я с вами постоянно ощущаю себя неловко.

Взяв ее руку, Бриар церемонно поцеловал лишь кончики пальцев в знак покорности и глубокого уважения, а потом сказал:

— Что касается Химер, то действительно им периодически удается избежать расправы.

— Значит, им кто-то помогает?

Он молча пожал плечами. Аврора подождала немного в надежде, что услышит еще что-то интересное, но молодой человек молчал.

— В прошлую нашу встречу вы что-то говорили о мутациях, в чем они выражаются? — спросила она.

— Много столетий назад произошла экологическая катастрофа. Что конкретно тогда произошло, теперь уже для нас загадка, но после катастрофы начали рождаться дети с различными мутациями. У них появлялись неординарные способности: у кого-то к телепатии, у кого-то к экстрасенсорике, у кого-то к целительству. Некоторые могли видеть духов и сущностей из параллельных миров и общаться с ними. Эти способности не были сконцентрированы в одном человеке. Да и поначалу мало кто придавал им значение.

Бриар опять поднялся и, дав указание Марго принести по чашечке кофе, отошел к окну.

В комнату через приоткрытую дверь, вопреки законам физики, вкатился небольшой клубок темно-коричневой шерсти. Он двигался, как перекасти поле, против довольно ощутимого сквозняка. Клубок остановился посреди комнаты, словно размышляя, куда ему

направиться дальше, а потом закатился под просторный диван. Эти странные движения не остались незамеченными, только выражения лиц у смотрящих были разные: Аврору это несказанно поразило, а Бриара рассмешило. Правда, он попытался заглушить клокотавший смех, сдавленно хмыкнув. Девушка подняла на него удивленные глаза:

— У вас живет собака? — с сомнением спросила она.

— Периодически наведывается, — туманно ответил Бриар, выпивая принесенный кофе одним глотком.

Аврора, чувствуя подвох, снова внимательно посмотрела на молодого человека, но решив, что рассказ о Химерах более интересен, спросила опять:

— Если вы говорите, что способности не были сконцентрированы в одном человеке, значит, и великих магов, о которых шепчутся и которых боятся, не было? И все эти сказки о страшных Химерах надуманы?

Бриар пожал плечами:

— Видишь ли, милая девушка, все, что не укладывается в человеческое понимание, является нарушением установленного кем-то миропорядка. Таких мутантов сначала начали игнорировать, потом травить, а потом сгонять в резервации. Но это только усилило их мощь.

Девушка расширенными от ужаса глазами смотрела на рассказчика. Все это было и безумно, и интересно одновременно.

— Начала появляться раса людей, — продолжил Бриар, — в которых сосредоточилась большая сила. Они были и телепатами, и экстрасенсами, и целителями. Не все, но были. Их объединила Великая Химера — грозная повелительница и могущественный мутант, в которой сконцентрировалось и усилилось все перечисленное выше. Звали ее Юна. Химеры называют себя детьми Юны.

При этих словах Бриар словно окаменел, а его взгляд приобрел ледяное выражение. Девушка постепенно начала понимать, к чему он ведет.

— Так получается, что это люди? — с ужасом прошептала она. — Нам говорили, что они пришельцы-захватчики, поработившие человечество, и праведная война с Химерами — это война за независимость человечества.

Бриар смотрел на девушку со смешанным чувством сожаления и превосходства.

— Но тогда получается, — Аврора продолжала рассуждение, от которого пробежали мурашки по ее спине, — что сражаемся мы с ветряными мельницами?

— Увы, процесс запущен, и хочет или не хочет правительство, но будут рождаться все новые и новые голубоглазые и рыжеволосые Великие Химеры. Такие же красивые, как ты, и способные видеть существ, приходящих к нам из параллельного мира, — произнес Бриар благодушным тоном и нарочито усмехнулся, — что скажешь?

Аврора смутилась. Бриар, сделав вид, что не понимает причин, вызвавших ее смущение, продолжил:

— Правда, как и любые навыки, эти нужно развивать и направлять в нужное русло под руководством старших опытных наставников и учителей. Когда-нибудь появятся школы магии и волшебства для одаренных...

К дверям «Улыбки Фортуны» к девяти часам вечера начали стекаться темные личности. Нищая братия с хищным выражением глаз, словно стая волков, почуявших добычу, один за другим входили в массивную дверь. И жадно принюхиваясь к кухонным ароматам, заказывали себе по рюмочке горячительного, в надежде, что ужином угостит собирающий их Финик.

Финик, войдя в трактир, первым делом поискал глазами Жужу. Она вновь заняла свое место на высоком табурете возле барной стойки. Рядом вальяжно развалился Патрон, хмуро смотрящий по сторонам. Увидев Финика, он, грозным взглядом пройдясь по его фигуре, остановился на бегающих глазках скупщика краденого.

Патрон был местным авторитетом, неожиданно для всех сотоварищей, высоко продвинувшийся по бандитской карьерной лестнице, начав с Малого. Финик, уловив его взгляд, со всех ног бросился к бандиту.

— Ну что, Финик? Что за дело нарисовалось? — суровым голосом пробасил Патрон, почти не удостоив его взглядом.

Плутовские глаза Финика забежали из стороны в сторону:

— Нам бы туда, — заговорщицки сказал он, махнув рукой в направлении «чистой» половины трактира.

— Идет, только не будем же мы сидеть на сухую, — буркнул Патрон, не спрашивая, а утверждая.

Его приказ тут же уловил вездесущий трактирщик. Он, глазами ответив, что «будет сделано», уже отдавал распоряжения повару и обслуге накрыть для господ стол в «чистой половине».

— Ну что, Финик? — опять повторил свой вопрос Патрон, усаживаясь на почетное место во главе стола.

— Тут ко мне зашел господин Берсе, — шепотом проговорил Финик.

И, подумав, хмыкнул: «Он, идиот, думал, что я его не узнаю».

— Ну, заходил, и что? — подгонял его Патрон.

— Есть работа, — Финик вновь огляделся и еще тише добавил, — надо убрать Бриара Конте.

С таким же успехом Финик мог сообщить, что им заказали устранить Великую Химеру. Патрон вначале, словно одеревенел, затем схватил принесенную трактирщиком горячую свиную рульку и, откусив огромный кусок, начал молча его перемалывать крепкими зубами. Жужу, пискнув, покрутила пальцем у виска.

— Озолотит! — уточнил Финик, видя реакцию бандита и его девки.

— Надо думать, — через какое-то время пробурчал Патрон.

— Если дельце выгорит, то этот господин Берсе будет вот где у нас, — Финик продемонстрировал Патрону сжатый кулак, а потом, поняв, что сделал, стушевался.

Патрону сейчас было не до сомнительных жестов. Он понимал насколько предложенное Фиником дело и прибыльно, и опасно. За и против рвали его на части. Трактирный слуга вовремя появился с графином и рюмками. Полученная информация требовала серьезного осмысления. Не одно грязное дельце обдeldывал Патрон с бандой, но убийство такой важной персоны, это не с лавочников золотые трясти.

— Патрон, может, да ну его, — подал голос Наушник, — на наш век и без него работы хватит, а то греха не оберешься.

На последних фразах его голос нервно дрогнул. Патрон смерил подельщика тяжелым взглядом, говорящим: «тебя не спрашивали, ожидай своей очереди». Но комментарий товарища по разбоям, как какой-то подлый червь засел в голове.

Его размышление прервала потасовка в соседнем зале. Чтобы вернуть Патрона к актуальной теме, Финик, прихвативший с собой задаток, правда, предварительно отложив часть про запас, побренчал им перед носом у Жужу и кинул толстый кошель на стол. Крупные монеты со звоном рассыпались, сверкая в тусклом свете настольных ламп, заворожив присутствующих.

— Ладно! — зарычал неопределенно Патрон, злясь на себя за колебание. — Будь, что будет.

Никто из присутствующих в «чистой» половине ни словом, ни взглядом, ни знаком больше не посмел вмешаться в принятое старшим решение. Все, открыв рот, даже забыв о выпивке и остывающей еде, смотрели на Патрона, ожидая дальнейших указаний. Их было шестеро, и Патрон держал подельщиков в ежовых рукавицах, и за определенные заслуги повышал или понижал ранги своих подопечных в иерархии их банды.

Патрон, задумавшись, ковырял ложкой в тарелке. Мир вокруг был так заманчив: великолепные магазины и лавки, экипажи с разодетыми господами. И среди этой роскоши, многообразия, блеска — он ничто. А слова Финика звучали с таким убеждением, с такой верой в успех, что он решился.

— В общем, так! — сказал он, обращаясь ко всей компании. — Микроб разведает, куда он ходит, кто его сопровождает, когда он возвращается домой и с кем...

— Он всегда один или верхом, или пешком, — бесцеремонно вмешался Кабан, — и не боится соваться в наши места. Я грешным делом один раз его чуть не, — Кабан провел ребром ладони по горлу, — а чего он разгуливает здесь, весь из себя, — уточнил он, заметив недобрый взгляд Патрона, — я же для всех старался.

— Ну а дальше-то что? — смиловился Патрон.

— Он, как будто почувствовал меня, и так посмотрел в мою сторону, так посмотрел...

Кабан поежился, словно этот взгляд так и остался перед его глазами на всю оставшуюся жизнь.

— Не знаю, — подытожил он, — не облажаться бы.

Патрон, чтобы скрыть смущение, смачно сплюнул в сторону.

— Ничего, познакомимся поближе. Микроб, ты понял? — спросил босс.

— Угу, — ответил юнец, сверкнув исподлобья серыми глазами в сторону Кабана.

— Хорошо, на том и порешили, — сказал последнее слово Патрон и, подняв рюмку, молча ее опрокинул.

А между тем, пока банда обсуждала предстоящее дельце, Бриар и Аврора, забыв о времени, общались. Действительность, не прикрытая завесой лжи и тайн, пугала. Тем более что сейчас Аврора отчетливо поняла: она часть этой действительности. Странности, происходившие с ней, наконец, обрели имя. Мутант! Химера! И единственный человек, с которым она могла быть самой собой, сейчас был подле нее. Бриар Конте. Ее кумир, ее волшебник, ее любовь.

Ближе к одиннадцати часам внезапно сильно хлопнувшая дверь и звук торопливых шагов заставили молодых людей переглядываться.

— Постоите, куда вы идете? — раздался голос Марго.

Аврора в ужасе посмотрела на Бриара. Охваченная дурным предчувствием, она поднялась и опять села.

— Мне нечего бояться, — успокаивала она себя, — я ничего плохого не делала.

Бриар, только пожав плечами, спокойно ждал, когда откроется дверь в кабинет.

— Господин, я пыталась его остановить, — оправдывалась служанка, влетевшая в комнату вслед за вбежавшим мужчиной, казавшимся подростком из-за маленького роста и хлипкого телосложения.

— Я почему-то был уверен, что ты тут! — воскликнул он, останавливаясь и буравя взглядом замершую девушку.

А потом, не обращая внимания на хозяина дома, сорвался с места с явным намерением схватить свою собственность и силой увести домой. Но на полпути его ноги как-то смешно завязались узлом, и он рухнул на мраморный пол, как труп, не согнувшись, не выставив руки, лицом вперед. Кровь из разбитого носа тоненькой струйкой потекла, заляпывая его белую рубашку. Аврора подозрительным взглядом окинула Бриара, а потом очень медленно и спокойно вытащила из сумочки батистовый платочек и, не вставая с дивана, кинула его жениху. Тот в полном замешательстве вместо того, чтобы подняться, уселся на полу и с глупым выражением лица пытался осознать, что только что произошло. Бриар, презрительно пожав плечами, отошел к окну, предоставив им возможность поговорить. Взгляд Берсе выражал полную растерянность. Казалось, что, ударившись, он совсем забыл, зачем сюда пришел.

«Жалкое зрелище!», почти одновременно пронеслось в головах Авроры и Бриара.

Наконец Берсе смущенно поднялся и, увидев на столике бокал с виски, одним глотком заглотил остатки. А потом, не поднимая глаз, спросил Аврору:

— Что ты здесь делаешь?

— Обсуждаю политическую ситуацию в мире, — спокойно, без тени насмешки ответила она.

— Едем домой, — тихо предложил он, почти не надеясь услышать положительный ответ.

— Зачем?

— Надо обсудить нашу свадьбу, сейчас это важнее.

Они заспорили. Бриар, слушая их вялую ссору, тряхнул головой в раздражении и повернулся к молодым людям.

— Я так понимаю, вы собрались уезжать? — сухо спросил он.

Прозвучавшие два ответа «да и нет» подняли в нем новую волну раздражения. И еще он уловил брошенную мольбу Авроры:

— Помогите!

Глаза девушки с болью смотрели на него.

— Ты действительно этого хочешь? — отправил ей телепатический посыл Бриар.

Она, даже не удивившись этой странности, интенсивно закивала. Берсе в замешательстве наблюдал за их немим диалогом, переводя взгляд с одного на другого.

— А как же свадьба? — опять спросил ее Бриар, нахмурившись. Между бровей пролегла строгая морщинка.

— Если она случится, я умру!

— Но будет другая свадьба, и тебя опять не спросят.

Бриар грустно улыбнулся, а затем посмотрел прямо в глаза молчавшему молодому человеку. Аврора замерла, наблюдая случившуюся вдруг дуэль. Правда, заведомо неравную. Зеленые глаза смотрели сверху вниз и давили невыносимой тяжестью. Хотелось опустить глаза и убежать от этого взгляда. Вокруг собравшихся воздух словно загустел, и Аврора судорожно вздохнула. Бриар, подойдя к Берсе и проведя у него перед глазами ладонью, спросил:

— Ты действительно хочешь этой свадьбы?

Молодой человек не мог оторвать своего взгляда от гипнотизирующих его зеленых глаз.

— Нет!

— Почему ты настаиваешь на ней?

— Так решили родители.

— Ты хочешь от нее отказаться?

— Да!

— Ты сделаешь это?

— Да!

— Свадьбы не будет?

— Нет!

Бриар, не разрывая зрительного контакта, положил на его плечо свою руку, слегка надавив на него.

— Сейчас ты поедешь домой и забудешь о том, что был здесь, и подумаешь, как отменить свадьбу! Ты сделаешь это?

— Да!

— Иди!

Опять проведя раскрытой ладонью перед глазами Берсе, словно снимая чары, Бриар резко развернул его рукой и подтолкнул к двери. Жених, как сомнамбула, не оборачиваясь, отправился домой. Аврора была настолько поражена и взволнована происходящим, что какое-то время в глубоком шоке сидела, откинувшись на спинку дивана.

— В твоей голове роятся вопросы, — констатировал Бриар, — но...

Он опустил голову, однако глаза его метнулись к девушке. — Но я не хочу на них отвечать, по крайней мере, сегодня! Ты все поймешь сама.

Аврора чувствовала, что от него ничего не скрыть. Если бы она захотела защитить свои мысли, то не смогла бы это сделать. Его мощь изумляла. Она подошла к нему вплотную и положила руки на широкие плечи. В его серьезных глазах не было уже ни капли иронии. Девушка, повинувшись непреодолимому влечению, привстав на цыпочки, нежно коснулась его губ.

— Спасибо! — прошептала она, отстраняясь.

Ее желание оказаться в его объятьях, едва ли можно было скрыть. Это желание просто сжигало. Аврора видела его сверкающий взгляд, он колоссальным усилием воли сдерживал бушевавшие в нем эмоции и страсти.

— Почему ты не хочешь жениться на мне? — спросила она. — Неужели я тебе не нравлюсь?

Бриар склонил голову. Но он не должен поддаваться волшебному очарованию этой девушки.

— Сейчас ты ищешь защиты, и чувства твои спонтанны. Он нежно поцеловал ее в макушку.

Аврора покачала головой:

— Но я хочу быть с тобой! — воскликнула она.

В это время в дверь опять постучали.

— Сегодня день открытых дверей! — с горькой усмешкой воскликнул Бриар, испытывая в душе легкое раздражение изза того, что их опять потревожили. — Входи, Марго.

— К вам от господина Моро, — сказала служанка неторопливо.

С боязливой дрожью девушка отошла к дивану. Бриар, кинув ей успокаивающий взгляд, разрешил провести посланца в комнату. Дверь отворилась, пропуская крепко сложенного смуглолицего военного. Суровый вид вошедшего еще больше обеспокоил девушку. Он, кивнув, важно произнес:

— Господин Конте! Поймали одного мятежника. Его допрашивают, и господин Моро приказывает вам принять участие в допросе.

— Передайте господину Моро, что скоро буду. Посланец, опять важно откланявшись, вышел.

— Увы, мне надо идти, — произнес Бриар, поворачиваясь к затихшей девушке.

— Но мы же скоро увидимся?

Глаза Авроры были полны отчаяния.

— Увидимся, обещаю, — ответил он, по-отечески поцеловав девушку в лоб.

Он протянул ей левую руку. Аврора с грустной улыбкой вложила в его ладонь свою, и он, нагнувшись, коснулся губами ее руки.

— Прощайте, — прошептала она.

Он ласково сжал и отпустил ее руку.

Оставшись один, Бриар некоторое время стоял, размышляя. Из раздумий его вывел вопрос, произнесенный писклявым голосом:

— И что это были за запутанные комбинации? Хи, хи, твои чувства спонтанны, тьфу.

Бриар, не оборачиваясь, ответил:

— А ты пробрался сюда от скуки или по надобности? И зачем нужно было выплясывать перед девушкой, скажи на милость?

Но гость, проигнорировав вопрос, сказал:

— Тебе, дубина стоеросовая, девушка в любви призналась! Но не обольщайся, она не твоя судьба! Ты что, не видишь будущего?

Бриар, рассмеявшись, наконец, обернулся. На спинке дивана по-хозяйски расположился косматый колобок с тоненьким крысиным носиком и огромными блестящими глазами. Худенькие ножки были закинuty одна на другую. Домовой жил в доме господ Конте испокон веков. Его нрав с тех пор ничуть не изменился, он по-прежнему оставался язвительным и сварливым.

— Я телепат, а не экстрасенс, и, кстати, ты тоже будущего видеть не можешь. Вообще, ты не ответил на мой вопрос, — Бриар попытался сменить тему.

Один глаз маленькой вредины ехидно сощурился:

— Да ну ее! — бросило оно неопределенно. — Маргошка хочет моей смерти!

Бриар с улыбкой ждал пояснений. Существо с пыhtением копошилось на диване, занимая более удобное положение. А потом, решив вальяжно облокотиться на раскинутые диванные подушки, наконец, соизволило важно ответить.

— Я решил приучить ее к порядку и привить благочестие!

— Да ты что! — воскликнул Бриар, смеясь. — Судя по тому, что ты здесь, что-то пошло не так?

— Угу, — зло буркнуло существо. — Она не дрессируется. Я разбросал мусор, она молча убрала, я опять разбросал мусор, она молча убрала.

Оно повторяло и повторяло эту фразу, пока Бриар не выдержал:

— Так причем тут благочестие?

— А-а-а, вот если бы она помолилась, как все порядочные женщины, перед тем как убрать, я бы перестал разбрасывать мусор! — пафосно ответило существо.

— Шишимора, радость моя, так чем же сердце успокоилось? Существо, нахохлившись, начало возбужденно бегать по дивану взад-вперед, яростно жестикулируя:

— Она меня веником огрела! Вот вопрос, как она догадалась, где я находился-то? Она ведь меня не может видеть! Как еще жив остался! Старая гримза! И ведьма к тому же!

Бриар опять рассмеялся, смотря на расстроенную мордочку домового. Существо ворчливо пыхтело.

— Достал ты ее, нечего сказать! Ладно, иди, — вздохнул Бриар, вспомнив о неприятной миссии, — и я пойду.

А потом строго добавил:

— И перестань издеваться над бедной женщиной! А то посажу на хлеб и воду!

— Как же, бедной, — донеслось со стороны дивана.

Вся скорбь мира отразилась на обиженной мордочке домового. Он раздраженно прыгнул на пол, и, заложив ручки за спину, как заключенный, медленно вышел из комнаты. Бриар рассмеялся, покачав головой.

Пока экипаж вез Бриара на допрос, он опять остро ощутил уязвимость своих планомерно уничтожаемых сородичей. Хотя именно они стали причиной, отбросившей человечество на сотни лет назад.

Тщеславие — одно из самых тяжело подавляемых человеческих страстей. К чему могут привести амбиции, перемешанные с чувством собственного превосходства?

Прошло более двух сотен лет с тех пор, как общество людей и мутантов, разделившись на два лагеря, развязало гражданскую войну, войну, в которой предки Бриара сыграли не последнюю роль.

Могучие Химеры — это сила, возможность и способность повелевать человечеством. А Химера, заполучившая всю полноту власти, всегда стремится к переустройству мира. Беспощадные предки Бриара Конте, сосредоточив в своих руках неограниченную власть, без малейшего колебания объявили общество людей изгоями. Они шли к этому переустройству, сметая на своем пути все. Обычные люди восстали, обратив на свою защиту весь накопленный веками опыт, применяя любые технологии, от которых Химеры не могли защититься. Армия мутантов оказалась малочисленна, и человечество победило. Однако это была пиррова победа. Учиненные в ходе войны разрушения не просто приостановили развитие цивилизации, а отбросили ее на сотни лет назад. Ужасы развязанной войны и мощь примененного оружия надолго отпечатались в памяти людей: Химеры были объявлены вне закона, а страх повторения пережитого не давал возродить промышленность и производство. Наступила новая эпоха мракобесия, когда в людях, владеющих знаниями и ратующих за прогресс, виделась угроза.

Выжившие Химеры ушли в глубокое подполье, начав партизанскую войну с властью имущих за равноправие. Однако они слабели с каждой вылазкой. Требовалась передышка.

Эти воспоминания о смерти и опустошении, о мире, кричащем от боли, мятежники передали своим потомкам. Стена плача перегородила прошлое и будущее. Пусть слезы смоют кровь. Прошлого не осталось, летописи переписаны, а воспоминания о пережитом передаются из уст в уста, из поколения в поколение.

После роковой войны жизнь потекла, как река, мутные, грязные потоки которой захлестнули выживших людей с головой. Как в поговорке: «И хочется за реку, да стоишь на берегу». Горели поля и леса, горели деревни и селения, горели города. На дорогах лежал толстый слой пепла. Дни стали серыми от дыма и копоти. Казалось, что жизнь покинет Землю. За годы войны единственное, что люди хорошо научились делать, это убивать и воровать. Ведь нужно было как-то выживать в разрушенном мире. Со временем гражданская война затихла. Оставшиеся в живых начали возрождать разрушенное войной сельское хозяйство, чтобы прокормиться. Правда слабым и больным не было места в этом уничтоженном мире. Новое поколение, рожденное войной, имело полный набор пороков: злость, ненависть, нетерпение к слабым и немощным.

По закону природы выживал и процветал более приспособленный. Дед Бриара Конте, весьма преуспел в купеческом деле, а кровь Химеры и преданность Великой госпоже, сыграли не последнюю роль в становлении могучей, зажиточной и довольно замкнутой семьи. Угарная вонь и болезни остались далеко позади. Мир возродился. Вспышки мятежников Химер жестоко подавлялись, в мире людей не осталось им места. Обнаруженные мутанты просто уничтожались, поэтому выжившие дети Юны так же, как и семья Бриара, научились подстраиваться и сливаться с человечеством, не мутировавшим пока. В руки властей попадались единицы, и то случайно или по глупости. Химеры знали о существовании друг друга, они чувствовали друг друга, зависели друг от друга.

Бриар вошел в огромный зал с галереями. За исключением арестованного, жестко перетянутого веревками, нескольких конвойных, секретаря суда в вышитом золотом мундире и господина Моро, восседавшего в высоком председательском кресле, никого больше не было.

«Надо же», подумал Бриар, «как торжественно все обставлено, когда только успели?».

Арестованный был страшно избит, но сейчас это было в порядке вещей. Бриар перевел взгляд на господина Моро, о жестокости которого шла ужасная слава.

— Заставляешь нас ждать, — прошипел он, увидев фигуру вошедшего в зал Бриара.

— Простите, господин Моро, пришлось ждать, пока заложат экипаж, — ответил он.

В его голосе не было ни раболепства, ни заискивания. Возможно, именно это и выделяло Бриара среди других приближенных.

— Этот, — Моро кивнул в сторону арестованного, выругавшись, — говорит, что мы ошиблись, что он не принадлежит к мятежникам.

— Я не мятежник, — с трудом произнес он израненным ртом, и изо рта его вытекла тоненькая струйка крови.

Он попытался говорить уверенно и твердо, но голос начал дрожать и запинаться, казалось, что он вот-вот разрыдается.

— А с чего вообще решили, что он принадлежит к Химерам? — спокойно спросил Бриар.

— Господин Конте, его сдала невеста накануне свадьбы! — был ответ.

— Как трогательно! — покачал головой Бриар и, кинув гневный взгляд на арестованного, спросил у военных:

— И как это произошло? Вы невесту спросили? Военный выпалил, пожав плечами:

— Конечно, господин. Накануне свадьбы этот, решил признаться невесте, что он не человек.

«Идиот!», мысленно прошипел Бриар, чувствуя, что мысль дошла до адресата, а вслух произнес:

— Может, они поругались накануне свадьбы, и невеста решила ему так отомстить.

— Да что тут разбираться, — воскликнул господин Моро, теряя терпение, — кончать его надо!

Вдруг в зал вбежала девушка. Залитое слезами лицо было страдальчески искажено. Она рухнула на колени, схватив господина Моро за лодыжки так, что тот даже привстал от неожиданности.

Девушка причитала:

— Пощадите, пощадите, это я виновата, наговорила, казните меня ... Бриар сделал знак конвойным оттащить истерившую женщину на безопасное расстояние. А потом, сверкнув глазами в ее сторону, сухо произнес:

— А ты молодец. Жить-то теперь, как собираешься? Его смерть будет камнем висеть на твоей шее. Так уж и быть, пиши...

Бриар, схватив ее за плечо, грубо потащил к столу, за которым с гордым видом восседал секретарь. От такого стремительного приближения секретарь крикнул, вжался в кресло и ввинтился головой в высокий воротник мундира. Из воротника торчал лишь его хохолок.

— Чего... писать? — заикаясь, спросила женщина, смотря на Бриара полными слез глазами.

— Все пиши! Писать-то можешь? Может дело будет пересмотрено.

Она кивнула и начала излагать под диктовку Бриара все, что пыталась рассказать присутствующим. Текст получался необыкновенно стройным и грамотным. Правда исполняла она его требование машинально, бессознательно, как заводная игрушка, так как мысли и чувства начали путаться, а слезы застилали глаза. Когда была поставлена последняя точка, Бриар оттолкнул девушку к конвойным. Она опять забилась в истерике. В присутствующих начало расти раздражение.

— Надоел этот цирк, — ледяным тоном отчеканил Моро и презрительно добавил, — уведите ее. А этого по обычной процедуре.

Бриар подошел к связанному юноше и, взяв за волосы, заставил посмотреть в глаза.

«Тебя кто за язык-то тянул?».

«Спаси!».

Не хочу умирать! Помоги! Сколько таких мысленных молитв слышал Бриар в этом зале? А скольким ему удалось помочь? Испуганные, загнанные, не желающие мириться с жестокой судьбой, все они стояли здесь и безмолвно вопрошали: почему я?

— Господин Моро, — обратился он к председателю, — зачем губить такого крепкого парня. Его действительно оговорили. Моро взвился, воскликнув:

— Ты смеешь мне перечить! Я сказал кончать, значит, кончать!

Бриар спокойно развил свою мысль:

— На рудниках не хватает человеческих ресурсов. А он молодой, крепкий. Пожизненная каторга, как вы считаете?

Бриар для наглядности схватил парня за рубашку и, подтащив поближе к креслу господина Моро, встряхнул и толкнул на колени. Моро с каменным выражением лица, взирал

на заключенного. Бриар поднял парня и начал крутить его, как раба на рынке. Сердце юноши так сильно и часто колотилось, что, казалось, вот-вот и он потеряет сознание.

— Может, ты и прав, — проворчал председатель, хотя это признание далось Моро с большим трудом.

Тяжелая работа на рудниках и шахтах действительно требовала все новых и новых сил. Люди от непосильной работы быстро изнашивались, старели и умирали.

— А если он все-таки Химера, обладающая магическими способностями? — с сомнением пробормотал Моро.

— Если бы он был Химерой со способностями, то не попался бы так глупо, — с сарказмом ответил Бриар, кинув презрительный взгляд на парня.

Присутствующим показалось, что от этого взгляда израненное тело молодого человека сжалось еще сильнее. Бриар уже знал, что Моро принял решение, два конвойных подошли и стали по бокам арестованного. Секретарь приготовился царапать приговор на заранее приготовленном листе.

Господин Моро приосанился, занимая царственное положение в кресле, мотнул головой, поправляя мешающий ему воротничок и, подняв руку, произнес:

— Я решил отправить его на рудник. Всю требуемую информацию предоставить вам, господин Конте. Уведите! — махнул он рукой.

На город опустился промозглый густой туман, мгновенно скрыв из виду дома, и даже тускло светящиеся фонари казались всего лишь мерцающими светлячками в молочной пелене. Между Дворцом Правосудия и каменными домами бедных кварталов был достаточно широкий и длинный переулочек. Днем здесь было непрерывное, не прекращающееся ни на миг движение, а вечером царствовала зловещая тишина. Лишь изредка пробежит по нему запоздалый путник, да замаячит вдруг серая тень, избегающая света. Бриар, привычно отпустив экипаж, задумчиво шел домой. На пустынной улице он был один. Его крепкая, высокая фигура, рассекая туман, медленно плыла в сторону обособленно стоящих богатых особняков. Путь предстоял неблизкий, но мужчина не смог отказать себе в удовольствии пройтись в одиночестве по спящему городу.

Вдруг он почувствовал за собой слежку и уловил мысли преследовавшего его человека.

— Интересно! — пробурчал Бриар себе под нос, продолжив путь, не сбавляя шаг.

Неизвестный находился от него на небольшом расстоянии, надеясь, что туман не позволит его разглядеть. Эта игра в догонялки начала откровенно забавлять Бриара. Он знал, что сейчас нападения не будет, вот только зачем нужна эта слежка, вернее, кому?

Перед мысленным взором Бриара ясно предстал маленький хиленький юноша с настороженными серыми глазами, неотступно следующий за ним по пятам. Он был одет в простые темные брюки и рубашку, без грязных дырявых заплат, и в нем еще ничего не выдавало той убогости, которой отличались мелкие оскотинившиеся разбойники. Юноша еще не опустился так, как его собратья.

— Микроб, н-да... весьма подходит, — сказал себе Бриар с ухмылкой. — Кому я так сильно... господин Берсе, черт... забавно. Я и не думал, что у него ума хватит, какой молодец!

На другой день, когда поток посетителей, наконец, иссяк, Бриар заметил, что солнце уже заходит. Он вздохнул и, скинув на кресло коричневый пиджак, отошел к окну. На улице бурлила жизнь. Прогуливающиеся горожане шли мимо роскошных особняков знати, укутанных тончайшей дымкой только что проклюнувшейся зеленой листвы на деревьях. Смолистый дух этой первой листвы лился в раскрытые окна.

Эта мирная картина отвлекла его от неприятных, назойливых мыслей. Фраза «разрушение твоего мира уже началось, и противостоять ему ты не сможешь», сказанная Лиссой, прочно поселилась в его голове, вызывая раздражение от непонимания и чувство некой безысходности.

— Я глупец, — произнес Бриар вполголоса, — еще ничего не случилось, а воображение уже разыгралось.

В дверь постучались:

— Входи, Марго, — привычно, не поворачивая головы, пригласил он.

— К вам просится монах, сказал из Ордена Креста, — женщина не стала договаривать, ожидая указаний.

— Только этого не хватало, — фыркнул Бриар, оборачиваясь, — чего ему надо?

Марго слегка подняла брови:

— Он не сказал, господин.

Бриар в раздражении задумался.

После войны на развалинах государств, как вши на умирающем теле, расплодились разнообразные религиозные секты. Человечество, парализованное войной и лишенное всяких ориентиров, жадно глотало любые утешающие слова и охотно шло за теми, кто обещал блага, пусть даже не в этой жизни. Со временем, когда жизнь начала возрождаться, половина новых учений канула в лету, а оставшиеся набрали мощь и, как спруты, раскинули свои щупальца, вмешиваясь во все сферы. И объединяла их всех одна главная цель: «Очистить человечество от инородцев, коими являлись захватчики и выродки Химеры!». Этот призыв пролегал красной нитью через все их учения и верования. И ради очищения некоторые секты были готовы совершать настоящие зверства.

— Ладно,пусти его, — наконец процедил мужчина.

Марго кивнула и, задержав на мгновение тревожный взгляд на Бриаре, вышла.

Вскоре в комнату вошел молодой человек довольно приятной наружности. Его скромное темно-синее монашеское одеяние плотным мешком скрывало фигуру, а голова была закрыта капюшоном, свободно спускающимся на плечи оббегающей шею складкой. Духовные наставники различных сект в одежде придерживались и сохраняли определенные ими фасоны и цвета. Эти же цвета присутствовали в одежде и у приверженцев, и последователей их учений. Сила, излучаемая его рослой фигурой, никак не вязались с рясой служителя культа и смиренной позой, да и светло-карие глаза смотрели задорно и открыто. Взгляд Бриара, изучавший посетителя, выразил полное недоумение.

— Брат мой, храни тебя Великая Сила! — воскликнул гость, улыбаясь глазами. — Во имя этой Силы приказываю тебе изгнать из себя сатану!

— Садись...тесь, — предложил Бриар, чувствуя, что вечер удался.

У гостя был чрезвычайно довольный вид, словно он пришел навестить старого приятеля.

Радостный и энергичный, этот монах излучал странно знакомую ауру.

Бриар, протянув ему стакан с холодным соком, рассеянно спросил:

— Скажи-ка, брат мой, какая Сила должна меня хранить по вашему учению?

Почесав затылок, накрытый капюшоном, и посмотрев своими лучистыми глазами на Бриара, молодой гость с готовностью ответил:

— Сила, заключенная в Великом додекаэдре!⁶

А потом, сложив руки на груди и склонив голову, пафосно добавил:

— Глупые людишки постоянно вмешиваются в Божий промысел, считая себя творцами Вселенной. А мы с братьями постигаем тайну Великого мироустройства, заключенного в додекаэдре. Эта священная фигура, олицетворяющая Вселенную, есть пятый элемент мироздания, помимо традиционных: огня, воздуха, воды и земли.

— Бог мой, — пробормотал Бриар, — чего только не постигают в наше смутное время.

И ущипнул себя за руку, пытаясь понять, происходит ли с ним это в реальности, или его мысли уже окутывают чары Морфея. Желание покопаться в голове странного гостя как-то отпало само собой. Стало вдруг интересно, чем же закончится разговор двух сумасшедших.

Молодой человек, уловив замешательство Бриара, продолжил вещать с серьезным видом:

— Додекаэдр Бог определил для Вселенной и прибегнул к нему в качестве образца!

— Так вы уже постигли эту тайну? — уже с большим интересом спросил Бриар.

Гость неопределенно махнул рукой, мол, «в процессе», сверкнув смеющимися глазами. А потом сложил вместе кончики пальцев и смиренно на них уставился. Никакого смирения в нем на самом деле не чувствовалось.

— Понятно, — качнув головой, в тон ему сказал Бриар, — я очень на вас рассчитываю. Как только вы постигните эту тайну, меня необходимо поставить в известность в первую очередь!

Монах серьезно кивнул.

— Конечно, мы понимаем, как важно донести эту информацию до господина Моро! — закатывая глаза, произнес он.

— Он узнает об этой тайне вторым!

Бриар приложил к сердцу раскрытую ладонь, подкрепляя клятву. Они, не сговариваясь, громко рассмеялись. Поспешно вошедшая Марго пораженно уставилась на давящихся от хохота молодых людей.

— Ладно, а если серьезно, — сказал Бриар, отсмеявшись. — А если серьезно, Бриар, то серьезней не бывает, — ответил гость.

Ни губы, ни глаза молодого человека уже не смеялись. И обращение по имени заставило Бриара удивленно спросить:

— Мы с вами знакомы?

— Эх, дружище, либо я так плох, либо у тебя с памятью проблемы.

Бриар несколько долгих минут пристально изучал молодого человека.

— Арни! Дружище! — воскликнул он, наконец, бросаясь на шею гостю и хохоча. — Я ведь не мог даже предположить, не мог даже представить, что когда-нибудь ты предстанешь передо мной в таком, в таком безумном виде!

Красавец-молодец был с ним одного роста, такой же высокий, мускулистый. Его лицо было загорелым и обветренным, словно Арнольд провел долгое время под палящим солнцем. Картину дополняли светло-русые с легким отливом золота прямые волосы и озорные карие глаза.

— Как же тебя угораздило поклоняться додекаэдру? — со смехом спросил Бриар, все еще не веря своим глазам.

— Богохульствуешь, брат мой! — скидывая капюшон и взлохматив светлые волосы, напыщенно ответил Арни, слегка стукнув Бриара костяшкой пальца по лбу.

Арнольд Боте был другом его детства. Другом-соперником. Они двое еще мальчишками подавали огромные надежды, а потом стали самыми видными молодыми людьми в городе. Учеба, спорт, девушки — во всем они стремились обойти друг друга, и получалось с попеременным успехом.

А потом Арни по уши влюбился в Орнеллу, сестру Бриара, замкнутую девушку, похожую на брата тем, что всегда носила на лице маску уверенного спокойствия или даже высокомерия. Однако первая любовь изменила ее: угрюмость уступила место жизнерадостности и даже озорству. Родители обоих семейств лелеяли мысль о будущем браке. И он состоялся бы, если бы однажды на одном из светских раутов не появился молодой глава соседнего государства Сент-Юнис, господин Жорж Роше. Возникшее между ним и Орнеллой притяжение мыслей, взглядов и душ было настолько сильным и неожиданным, что вызывало панику. Твердость характера заставляла Орнеллу поначалу сопротивляться этому чувству, подчиняясь голосу долга, но любовь оказалась сильнее. И уже не думая об осуждении окружающих, Орнелла разорвала помолвку с Арнольдом.

Арнольд похлопал Бриара по плечу и, усевшись на ближайшее кресло, сказал:

— Ты кормить-то старого друга будешь?

— Мне все еще не верится, что это ты! — тихо произнес Бриар.

А потом весело добавил:

— Кормить буду, сейчас закажу. Мой повар попросился в отпуск не вовремя. Здесь недалеко неплохой ресторанчик, и кухня у них не дурна. А ты мне расскажешь, где тебя носило столько лет!

Ужин им накрыли в саду, в беседке, увитой с одной стороны плющом. В прохладном воздухе витал дразнящий запах еды.

— Боже, когда я так вкусно ел в последний раз? — воскликнул Арни, хватая нож и вилку и подцепляя кусок еще дымящегося мяса.

Неожиданное появление друга приятно удивило и порадовало Бриара.

— И где же ты, друг мой, пропадал все это время? — начал сыпать вопросами он. — Чем занимаешься? Что тебя сюда привело?

— Э... нет, — с ухмылкой подмигнул Арнольд, — сначала ты расскажи мне, как жил, что творил без меня?

Бриар смутно ощутил, что Арни сознательно тянет время перед каким-то серьезным разговором, и решил его не торопить. После выпитого вина и плотного ужина друзья как-то размякли, и с ленцой вспоминали о славных деньках своей юности.

— А ты, я смотрю, по-прежнему уныло проводишь время? — с улыбкой проговорил Арнольд, окидывая взглядом парк.

— А чего тебе хотелось бы? — в тон ему спросил Бриар.

— Хлеба поели, а зрелища где? — воскликнул он, требовательно стукнув ладонью по столу.

— Танцы тебя устроят?

Арнольд уставился на него, его челюсть медленно поползла вниз. У молодого человека был такой ошарашенный вид, что Бриар, не выдержав, рассмеялся.

— Да, — наконец проговорил Арнольд, — я много упустил, ты и танцы... да... Вдоволь насладившись недоумением, написанным на лице друга, Бриар наконец произнес:

— Полгода назад в порту я спас девушку от контрабандистов. Они, похоже, собирались ее продать или еще что-то, не помню подробностей.

— Ну?

— Она оказалась танцовщицей, да еще какой, — он сделал знак суемящемуся рядом слуге, — пригласи Армин, пусть станцует для нас.

Арнольд озадаченно смотрел на улыбающегося друга, качая головой. Когда же появилась в беседке танцовщица, недоумение Арнольда достигло своего апогея. Его воображение рисовало чувственную милашку, а на площадке перед беседкой появилась невысокая, с тонкими, как змеи, черными косичками девушка. Ее мрачные черные глаза под широкими бровями смотрели исподлобья. В ней чувствовалось первобытное темное начало: дикое, неуправляемое, опасное.

— Ты, как и прежде, не устаешь меня поражать, — проговорил Арнольд, продолжая изучать танцовщицу, — она еще к тому же почти голая... На девушке была надета только полоска ткани на груди и длинная ярко-красная с блестками юбка, удерживаемая узкой золотистой завязкой на бедрах. Сильные мышцы танцовщицы играли под смуглой гладкой кожей. В руке она держала небольшой бубен, усеянный медными колокольчиками.

Девушка вышла на площадку перед беседкой, высоко подняла вверх бубен, и под ритмичный перезвон медленно начала вращать бедрами. Темп ускорялся. Ритмичные и пластичные движения танцовщицы завораживали. Арнольд начал постукивать пальцами по столу. А Армин выделявала замысловатые движения, пламенея жарким румянцем. Арнольд

принялся хлопать в ладоши, ловя задаваемый бубном ритм. Они неожиданно для себя оказались вовлечены в дикий, причудливый танец. Девушка неистово извивалась всем телом, а бой бубна превратился в сплошную протяжную ноту. Неожиданно она остановилась, высоко подняв руки, удары бубна смолкли, и звенящая тишина навалилась на них ощущаемая почти физически.

— Я много чего в жизни видал, — наконец произнес Арнольд, выдохнув, — но такое... Бриар усмехнулся, сверкнув глазами.

— Я, кажется, выполнил все пожелания друга? И хлеба вволю, и зрелища.

Арнольд только развел руками:

— Нет слов!

— Что ж, теперь твоя очередь меня развлекать рассказами. А потом, повернувшись к девушке, сказал:

— Армин, свари-ка нам кофе.

Девушка поклонилась и пошла исполнять просьбу господина.

— Итак...

Арнольд, вздохнув, начал рассказ:

— Когда Орнелла вышла замуж не за меня, я вдруг понял, что оставаться здесь и ловить сочувствующие взгляды близких и родных просто не в состоянии.

Настала очередь вздохнуть Бриару. Он, опустив голову, прошептал:

— Да, любовь страшная штука.

Арни усмехнулся, в его глазах опять зажглись смешинки:

— Поверь мне, лучше любить и потерять, чем вообще не узнать, что такое любовь.

Бриар пожал плечами:

— Может, ты и прав.

— Я много путешествовал и навидался таких вещей, — он сделал паузу, повертев в руке бокал, — существование которых мне даже в голову не приходило, пока я жил здесь.

Он мотнул головой в сторону белокаменного особняка.

Атмосфера разом похолодела, и лица друзей утратили веселость. Арнольд протянул Бриару бокал.

— Я ехал мимо виселиц, на которых висели трупы мужчин, женщин. Их истребляют целыми семьями, — прошептал он. — А сколько мне попало нищих и калек, у которых даже не было сил просить милостыню. О разбойниках и говорить нечего — мне порой приходилось убивать, чтобы выжить самому. В этом я преуспел.

Арнольд горько усмехнулся и опрокинул в себя очередной бокал янтарной жидкости, качнув им в сторону друга. Бриар молчал.

— Я понял тогда, что если хочу спасти и защитить хотя бы немного людей, — зашептал он, — для этого нужно стать членом одного могущественного ордена. Орден Креста. Я, пройдя обучение, поступил на службу в этот орден, и за восемь лет неплохо там продвинулся.

— И тебе удалось кого-то спасти?

— По-всякому бывало, — отозвался Арнольд, — когда я заранее предупреждал семьи, против которых готовилось покушение, когда вызволял из тюрьмы, да когда как. Знаешь, я понял одну вещь: сейчас прикрываясь фразой «Истребить Химер!», просто уничтожаются неудобные. Под удар может попасть абсолютно любой, главное вовремя написать донос.

Бриар молчал. Все то, о чем говорил его друг, действительно имело место быть. Зависть, злость, ненависть порой толкали людей на мерзкие, низкие поступки. Сколько таких

доносов он уничтожил сам за свою службу.

— Я рад, что провидение так повернуло мою жизнь, — с горькой усмешкой произнес Арнольд, — я понял насколько бесполезной была моя жизнь и насколько глупыми были мои мечты, пока не увидел мир таким, какой он есть.

— Ты так и не нашел спутницу жизни? — после некоторого молчания спросил Бриар.

— Увы, — хмыкнул молодой человек, — но сейчас я не могу, не имею права подвергать опасности близкого человека. Семья — это огромная ответственность. А моя теперешняя жизнь, — он махнул рукой, — яйца выеденного не стоит. Но, я вижу, и ты один?

Бриар усмехнулся:

— Похоже, дружище, нам с тобой бобылями помирать!

Они позубоскалили по этому поводу и основательно подчистили тарелки с великолепным ужином. Когда Армин принесла кофе, Бриар спросил:

— Каким ветром тебя сюда занесло?

— А ведь я приехал к тебе за помощью.

Бриар поднял брови в немом вопросе. Арнольд какое-то время молчал, взвешивая за и против. Бриар его не торопил. Они молча пили кофе, задумчиво смотря каждый в свою чашку.

— Мне кажется, Орнелла в опасности, — наконец, произнес Арни.

Бриар чуть поднял бровь, только взгляд его выдал не удивление, а тревогу.

— Не шути так, — произнес он.

Арнольд твердо уставился на друга.

— Я не приехал бы сюда, в такую даль, из-за пары пустяков.

— Рассказывай! — сухо сказал Бриар.

— Я ведь служу в том же городе, где живет Орнелла.

Уловив удивленный взгляд друга и, усмехнувшись, он продолжил:

— Не нарочно, поверь мне. Просто там находится штаб Ордена Креста.

Во взгляде Бриара росла тревога, и молодой человек ее отчетливо видел, но решил продолжить, не торопясь, попутно сам, постигая то, в чем сомневался.

— Супруг Орнеллы занимает такое же положение в том городе, как здесь господин Моро, и советник у него есть.

— Ну, что Жорж — глава Сент-Юнис, я вообще-то знаю... Арнольд отхлебнул коньяк, предусмотрительно налитый Бриаром, и продолжил, не отреагировав на комментарий друга.

— В наш молельный дом частенько заглядывают богатые дамы, для того чтобы помедитировать, соединившись в медитации со Вселенной, — он усмехнулся, — или просто посплетничать с подругами.

Молодые люди не заметили за разговорами, как стемнело. К беседке подошла Марго, неся светильники.

— Господин Конте, вам записка, — сказала она, протянув Бриару маленькую скрученную бумажку, обвязанную яркой лентой.

Арнольд, увидев это послание, иронично хмыкнул:

— Похоже, господин Конте, умирать бобылем придется только мне!

— Смейся, смейся, — буркнул Бриар, раскрывая записку. Текст гласил: «Господин Конте, вы мне кое-что обещали...», а внизу стояла подпись: «Аврора».

Лицо у Арнольда вытянулось:

— И это все? — с искренним удивлением протянул он.

— Не хорошо читать чужие записки, — покачал головой Бриар, усмехнувшись.

— Ну да, а раньше ты не жаловался, — в тон ему ответил молодой человек.

— Ладно! Лучше рассказывай дальше.

— Я как-то, проходя мимо одной из беседок, стал невольным свидетелем одного разговора, — проговорил Арни, принявшись насколько можно подробно, описывать другу услышанное.

«Почему я должна его бояться?» — возмутился женский голос. «Это ничтожество вылезло из самой грязи и сейчас живет и процветает благодаря моему супругу. Он мне упорно предлагает свое покровительство и дружбу, в которой я не нуждаюсь! Какое он имеет право лезть в мою жизнь!».

«Вы ранили его в самое сердце», — сказал другой голос. «Но вы, кажется, одержали победу над этим проходимцем. Он смотрит на вас, как раненый пес. И подумайте, ведь он может быть полезен...».

Орнелла, а это была именно она, взвилась в гневе: «Я скорее умру, чем пригрею эту змею на своей груди. Этот человек не способен на какие-то чувства. Я не раз говорила о нем Жоржу, но он не хочет меня слушать, считая, что у меня разыгралось воображение».

«Да, — вздохнула ее собеседница, — у него какая-то странная власть над вашим мужем, да и другие ему как-то уж очень благоволят».

Орнелла ее раздраженно прервала, она казалось, не слушала то, что говорила подруга: «Этот человек не способен на чувства, он только ловко манипулирует моим мужем».

В это время в беседку вошла другая женщина, и разговор мгновенно стих. Вошедшая, поняв, что нарушила их уединение, вскоре ушла.

«Терпеть не могу эту женщину, — произнесла, наконец, Орнелла, — мне кажется, что она шпионит и все докладывает этому псу».

«Мне тоже так кажется, — ответила подруга, а потом добавила более уверенно, — очень даже вероятно».

— Я с трудом дождался конца их разговора, а потом под каким-то глупым предлогом попросил Орнеллу отойти. Я сказал, что все слышал, и предложил свою помощь. Но она удивленно на меня посмотрела своими прекрасными глазками и сказала: «Милый мой друг, тебе послышалось, я не жаловалась вовсе. Да и кто может мне причинить беспокойство?».

Арнольд вздохнул:

— Она скорей всего, зная мою горячность, не захотела меня впутывать в это странное, надо сказать, дело.

Бриар задумчиво коснулся рукой подбородка, а потом сказал:

— Может ты действительно ошибся? Если бы дело было серьезным, то она непременно попросила бы о помощи.

— Если это было бы все, я не стал растрясать свои внутренности, мчась к тебе сюда.

Бриар напряженно смотрел на старого друга. Хаос мыслей в голове Арнольда не поддавался анализу. Бриар столкнулся с подобным первый раз в своей жизни и был несколько озадачен.

Друзья опять вышли, и разговор потек дальше.

— Я ведь часто присутствую на светских вечеринках и многое вижу. И в обществе часто стал появляться некто Алан Грейс. Я был удивлен, узнав, что он советник господина Роше. Яркая молния на мгновение зигзагом прорезала небо, и издалека донеслись раскаты грома.

На соборе часы пробили два часа ночи.

Арнольд подавил судорожную зевоту, и Бриар, наконец, заметив его утомленное лицо, произнес:

— Тебе бы не помешало отдохнуть.

— Я и сам хотел предложить, — отозвался тот. — Не волнуйся, я обо всем скоро расскажу. Просто некоторые догадки до сих пор не укладываются в голове.

Они обнялись, и Бриар, заложив руки за спину, смотрел, как друг побежал в сторону ворот. Звякнули решетки, в свете тусклых фонарей появились очертания большого экипажа. Кучер щелкнул кнутом, и сильные лошади помчали Арнольда в родной дом. Раздался еще один удар грома, а вместе с ним по крыше беседки забили первые капли дождя.

Пока Бриар с Арнольдом предавались воспоминаниям, в сторону городского кладбища, двумя часами ранее, что есть силы бежал Микроб. К этому кладбищу, спрятанному разросшимся кустарником, прилегали со всех сторон городские трущобы. Отдельно стоящая избенка, спрятанная кустарником, зачастую являлась местом сбора банды Патрона. Вечером окна были плотно занавешены, и иногда только тоненький дымок из трубы мог бы подсказать наличие в избенке хозяев. Сейчас же там было только два обитателя: Патрон да Жужу. Девка, сидя на неприбранной кровати, привычно посасывала настойку и подвывала какую-то заунывную песню.

— Да не мычи ты, — зло шикнул в ее сторону Патрон, — тоску гонишь.

— А тебе все тоска, — в тон ему ответила девка и демонстративно развернулась к нему спиной. Взгляд Патрона задержался на ее сочной задней части. Словно не замечая на себе его пристального взгляда, как можно беспечнее Жужу продолжила:

— Хоть бы развлек девушку, а то тоска замучила.

Патрон, вытирая о штаны, внезапно взмокшие руки, пробурчал, направляясь к ней:

— Сейчас развлеку.

Но развлечения не получилось. В избенку влетел взмыленный Микроб, он довольно долго пытался отдышаться, согнувшись пополам.

— Ну, чего тебе? — зыркнул в сторону мальчишки Патрон.

— Там, там... они...

С трудом издавая звуки, Микроб активно помогал себе жестами, показывая куда-то в сторону, в надежде, что Патрон сам догадается. Жужу, скривив мордочку, презрительно смотрела на мальчишку.

— Вот так всегда, на самом интересном месте, — пробурчала она себе под нос.

Наконец Микроб, отдышавшись, смог вразумительно произнести:

— Конте сейчас пьянствует в саду, — одним махом выпалил он, — в доме, кроме охранника и двух служанок, никого.

— Так он пьянствует один? — искренне удивился Патрон.

— Да нет же, к нему приехал друг. Они посидят, и Конте останется один. Сейчас самый подходящий момент!

— Похоже, ты прав, — пробурчал Патрон, скребя свой неожиданно зачесавшийся подбородок.

— Так что, наших надо собирать? — с готовностью спросил Микроб.

Судя по его загоревшемуся взгляду, это было его первое настоящее дело.

— Давай так, через час у собора.

Патрон дал указание юноше и для важности положил руку на его плечо.

— А ты молодец, — похвалил он, — я в тебе не ошибся.

Микроб, окрыленный похвалой шефа, просиял и с удвоенной энергией выскочил исполнять его приказание. Патрон меж тем, облизнув пересохшие губы, опять задумчиво уставился на замершую Жужу.

К калитке особняка Конте по зеленой дорожке подельники подошли в полной темноте. Лица их скрывали темные капюшоны.

— Кто вы, что вам нужно? — требовательно произнес привратник.

— Не стоит волноваться, мы ненадолго, — сказал Патрон, доставая из сапога узкий стилет. Увидев сверкнувшую в свете тусклого фонаря сталь, привратник попытался вырваться и закричать, но его крепко держали с двух сторон, зажав рот.

— Не шуми, ты даже не почувствуешь, — заботливо прошипел Патрон, продемонстрировав ему тонкое лезвие.

Онемевший привратник с вытаращенными от испуга глазами, не мигая, смотрел на приближающийся клинок.

— Раз и все, — произнес Патрон, точным движением вонзив стилет прямо между ребер.

Привратник, издав сдавленный звук, повалился на клумбу, орошая землю хлынувшей кровью.

Патрон, склонившись над умирающим, пробормотал:

— Кажись, промазал. Ладно, нет времени, пойдем.

В этот момент Бриар почувствовал гостей и вздохнул: сюрпризов в этот вечер становилось слишком много. В руке у него возник длинный узкий клинок, казавшийся почти черным в тусклом свете фонарей.

Двое подельников с ржавыми мечами одновременно кинулись на Бриара. Но их клинки отскакивали от его меча, как от замороженного. Раздавался только свист, рассекающего воздух меча, и звон металла. Бриар легко увертывался от нападавших. Неожиданная разминка доставляла ему истинное наслаждение. Он с удовольствием сражался бы, не прибегая к магической силе, чувствуя свое полное превосходство пусть над многочисленным противником. Бриар нанес сильный удар, выбив клинки почти одновременно у обоих нападавших. Но он вдруг ясно уловил мысли агонизирующего: «Кто-нибудь!».

Если бы не эта мольба, Бриар с удовольствием продолжил бы драку.

— Хорошая разминка, — пробормотал он.

Но в его сторону уже летел выпущенный проворной рукой стилет. Еще немного и он вонзился бы в сердце Бриара.

— Ладно, нет времени, с вами возиться.

Вокруг него возникло слабое свечение, ударившись о которое, стилет упал к ногам Бриара.

— Стоп, — проговорил он, вытягивая перед собой руки ладонями к нападавшим.

Меч, находившийся в его руке, исчез. Воздух сделался густым, словно кисель. Бандиты, схватившись за горло, попадали на колени, жадно ловя ртом воздух, ставший непригодным для дыхания. Глаза выпучились, грозя вылезти из орбит, лица покраснели от напряжения.

— Замрите, — грозно проговорил Бриар.

Нападавшие застыли.

Бриар поспешил к привратнику. Земля не успевала впитывать падающую влагу, и в тусклом свете сверкала лужа алой крови. Пострадавший тяжело дышал, зажимая рану на груди. Сердце его бешено колотилось, веки дергались, глаза были подернуты мутной пленкой, а изо рта вытекала струйка крови. Непроизвольный кашель причинял адскую боль.

Бриар, став рядом на одно колено и убрав руки агонизирующего с груди, зажал ладонями его рану. Снова возникло голубое свечение.

— Все в порядке, — пробормотал Бриар, глубоко дыша и погружаясь в транс.

Капельки пота, выступавшие на его лице, смывал дождь. — Удар через грудную клетку... в легкое... сердце не задето... будет жить... Края раны начали затягиваться, кровотечение остановилось, напряженное тело привратника расслабилось, а глаза подернулись дымкой сна.

— Вот и хорошо, — прошептал Бриар, укладывая его безвольное тело на землю, — ты родился в рубашке.

А потом глубоко вздохнул и повернулся к главарю, предварительно проведя по воздуху рукой, «размораживая» банду.

— Кто приказал меня убить? — спросил он сурово, хотя и сам знал ответ.

Патрон на мгновение смешался, а потом, виновато посмотрев на Бриара, пробормотал:

— Господин Берсе. Нам обещали хорошо заплатить. Он виновато переступал с ноги на ногу.

— Простите, господин Конте, мы не хотели этого делать, — главарь упал на колени, склонив в мольбе голову.

— Неужели, — проговорил Бриар, презрительно смотря на склоненную макушку.

От напряжения у Патрона катились слезы. Так он не плакал, наверное, с детства. Стоящий рядом с ним господин почти задавил его, не прикасаясь. В теле Патрона, в его мыслях поселился животный страх.

— Я прощаю на этот раз. Благодарите Бога, что Ник остался жив, а то бы...

Кулаки Бриара с силой сжались, вся банда ощутила это движение каждой клеткой своего тела. Дружный стон огласил всю прилегающую округу.

— Что здесь было — забудете. А господина Берсе проучить не помешало бы, только слегка, чтобы больше не возникало желание направлять к друзьям бандитов. Да, и к Финику тоже загляните.

Бриар замер. Внешне все было по-прежнему, разве что лунный свет стал ярче, словно прорвал тучи и прекратил в одно мгновение поток слез, заливавших землю. Из земли возникли мигающие синими и зелеными огнями вертикальные столбы света, пронзившие собой небо.

— Госпожа, уже не ходит одна? — иронично протянул Бриар, скосив глаза на выходящих из столбов света Химер.

Появившиеся ночные гости, сложив за спиной руки, презрительно наблюдали за происходящим.

Патрон и его банда замерли, словно их опять заморозили. Лисса, а это была она, смотрела на замершие монументы пристально, почти с омерзением. Рот скривился в нарастающей усмешке.

— Bravo, Бриар, воспитатель из тебя получится прямо... — она, закатив глаза, цокнула языком.

Подойдя к Патрону, Лисса, схватив его за чуб, со страшной силой откинула голову назад.

— Химера! — презрительно взглянула она на Бриара. — Ты позоришь весь наш род! Ты позоришь своих соплеменников!

— Да ты что? — спокойно бросил он. — Чем же я успел опозорить наш род?

Девушка брезгливо отпустила чуб, и голова бандита безвольно повисла над левым плечом.

— Тебя, советник, только что должны были прирезать, как свинью. — она презрительно сжала губы. — Это ж додуматься надо, бандитам проповеди читать!

— Я так понимаю, что где-то опять просыпал, — с усмешкой ответил Бриар, высокомерно поднимая голову и заложив руки за спину.

Лисса подошла к нему вплотную и, сверля его злым взглядом, сказала, проговаривая каждое слово:

— Ты их уничтожишь, Химера. Или это сделают твои собратья, — она указала подбородком на застывшие поодаль фигуры.

Странное поведение Лиссы Бриара озадачило. Чтобы сама Великая Химера явилась вершить суд над покусившимися на жизнь ее подданного? Что-то здесь нечисто.

— У тебя появились новые обязанности, радость моя? — иронично спросил Бриар, опять усмехнувшись.

— Похоже, у меня появилась новая традиция вести с тобой разъяснительные беседы на тему: «Что такое хорошо, и что такое плохо». Ты, господин советник, прежде всего мой подданный, — с достоинством произнесла она, скрестив руки на груди, — и интересы своего народа должны быть для тебя на первом месте. Но ты начал отдавать предпочтение ничтожным людишкам, пренебрегая своими собратьями.

Бриар глубоко вздохнул, стараясь стряхнуть навалившуюся тяжесть, изумление его было вполне понятным. Лисса давила своей мощью требовала подчинения и навязывала правила игры. Такого напора с ее стороны раньше не было, и все разногласия между ними удавалось решать с глазу на глаз. Не то чтобы ему было жалко банду Патрона, одним бандитом больше, одним меньше, но такое настойчивое и безапелляционное требование начинало раздражать. Химера, уловив его раздражение, усмехнулась и, пронизывающий холод мучительно сжал

каждую клетку его тела. Вокруг нее возник светящийся ореол. Она жестом пригласила подойти ближе вышедших из луча Химер.

— Ты узнаешь их? — сухо спросила она, качнув подбородком в сторону подошедших.

Узнал ли он их...

Тошнотворные ароматы, наполняющие темницу, перемешивались с гнилостным запахом разлагающейся плоти. Запах смерти витал повсюду. Не спасали ни открытые чердачные окна, ни вентиляционные решетки, загаженные крысами и облепленные расплодившимися комарами и мухами. По мере того, как Бриар спускался в подземелье, где со всеми предосторожностями держали до казни Химер, запах становился удушливей, а воздух сырее, да и темнота становилась все непроницаемее. Где-то далеко перекрикивалась охрана, сыпав сальными шутками и гогоча во все горло. Для них он был невидим, да и мало кому придет в голову спускаться в подземелье к Химерам. Их безумно боялись, а если камеры, где содержались Химеры пустели, то это однозначно приписывалось их сверхъестественным способностям. Пойманных Химер, как правило, казнили сразу, очень редко удавалось оттянуть этот трагичный исход.

Бриар ориентировался в этом мрачном, заполненном тьмой подземелье только благодаря способности видеть в темноте. Каменная кладка стен была совершенно гладкая, склизкая и холодная, а узкие крутые ступени, что вели вниз, в черную дыру подземелья, шатались и осыпались под ногами. Медленно, но верно он двигался к камере, в которой томились его братья. Добравшись до места и удостоверившись, что по близости нет охраны, его силуэт начал подсвечиваться голубым светом, достаточным, чтобы рассмотреть фигуры узников. Двое братьев были прикованы за ноги и за руки цепями к кольцу на стене. На шею были надеты тяжелые металлические ошейники, в которых они едва могли стоять. В темницу их привели совсем недавно, часа три назад. Они еще не успели до конца осознать, что произошло. Подойдя к двери камеры, Бриар приложил руку к замку, спустя несколько секунд он со скрежетом открылся.

Собратья были, как все Химеры, неопределенного возраста, высокие и сильные. Освободив их от цепей и ошейников, он тихо спросил:

— Объединив усилия, мы сможем наложить морок?

Старший пожал плечами.

— Ненадолго.

— Нам надо только выйти из крепости, а там ждет закрытый экипаж.

— Можно попробовать.

В это время полусгнившее сено у стены зашевелилось, и из него показалось лицо бесполого существа. Определить был ли он женщиной или мужчиной, стариком или старухой не брался даже Бриар. Судя по ужасному состоянию, в темнице он находился давно.

— Ты кто? — спросил он, подходя к бесполому существу и присаживаясь рядом на корточки.

— Человек, — проскрипело существо.

— И давно ты, человек, находишься здесь?

— Что ты с ним возишься, — зло прошипел один из Химер, — они нас истребляют, а ты сюсюкаешься с этой, с этим...

Бриар, расправив плечи, спокойно прервал разглагольствования собрата.

— Ты, Химера, считаешь себя венцом творения, а попался в руки этих, как глупое дитя.

— Брось его и пошли, — злобно уставился на него собрат.

— Он идет с нами, — твердо ответил Бриар, протягивая руку человеку и помогая ему выбраться из сена.

— Я не стану тратить силы и энергию, на этого.

— Прекрасно, значит, ты останешься здесь.

Во время этой перепалки второй собрат стоял молча, напряженно переводя взгляд от одного к другому, но после этих слов воскликнул:

— Вы сдурели совсем! Ссориться из-за этого ничтожества. Бриар, очнись! Пока вы будете пререкаться, нас засекут.

— Андрэ, Люк, вы совсем потеряли сострадание...

Бриар не успел договорить, как на него уже летел разъяренный Люк. Бриар нанес ему такой удар в грудь, что он отлетел на несколько шагов, ударившись головой о стену. Он обмяк, но оставался в сознании.

— Братья, братья! — воскликнул Андрэ, вставая между ними

— В общем, так, Химеры, — нахмурившись, проговорил Бриар, вскидывая гордую голову. Его свечение стало ярче, и они поняли, что в случае неповиновения последует ментальный удар. — Решайте, либо вы берете его с двух сторон, и идете за мной, либо остаетесь. А с человеком я справлюсь сам.

— Оставьте меня, — проскрипело существо в сене, — я давно уже мертвец.

Химеры, понутив голову, молча протянули к нему руки помогая подняться.

— Прекрасно, братья! Идите за мной.

— Во-от, — протянула Лисса, смотря в глаза Бриару, — ты не умеешь лгать. Но ты нарушил главную заповедь своего народа: «Никогда не ставь выше Химер — человека!»

— Я их спас, — в тон ей ответил он.

— Ты поставил их перед выбором, а камнем раздора стало жалкое существо, которое и человеком то не назовешь.

Лисса сделала знак Люку. Он подошел к Патрону, все еще пребывающему в трансе, рывком поднял с земли и поволок к ним поближе. Бриар понял, зачем. Казнь, бестолковая, бессмысленная, только чтобы проучить его.

— Зачем тебе это? — спросил Бриар. Он привычно склонился над Лиссой и, подняв ее голову, заставил посмотреть себе в глаза. — Ты никогда не была до такой степени жестока, что с тобой?

Тонкая дымка окутала пространство вокруг них, скрыв их от посторонних глаз. В мгновении ока они остались наедине.

— Мне иногда хочется уничтожить тебя, — прошептала она, опуская глаза, не выдержав его горящего взгляда. — Я думаю о тебе, ты мне нужен, Бриар, но...

— Что изменится в твоей жизни, если меня не станет?

— Я буду знать, что тебя нет! — она пожала плечами.

Дымка рассеялась, горла Патрона коснулось тонкая холодная сталь. В эту же секунду Люк задрожал от боли, но исполнил задуманное. Храпящее и истекающее кровью тело Патрона упало на траву, рядом, корчась от боли, упал Люк. Бриар в бешенстве сильнее сжал руки, из носа Люка вытекла тонкая струйка крови.

Лисса, не обращая внимание на Люка, вытянула руку и пафосно произнесла:

— На колени Химера.

Мозг Бриара взорвался тысячей жгучих осколков, боль впилась в каждую его клетку. Он рухнул на колени и опустил голову. Казалось, что из глаз, из носа и рта хлещет кровь.

— Я предупреждаю тебя последний раз!

Опять туманная дымка начала скрывать их тела. Лисса стала на колени рядом с Бриаром, в ее глазах было странное смешение мольбы, ужаса и раскаяния.

— Прости, прости меня. Ты меня измучил, я не знала, что такое ревность! Подумай, мы должны быть вместе.

— Шахматные ходы Великой госпожи, непредсказуемы, — качая головой, тихо проговорил он.

— Подумай, я жду ответ в ближайшее время, — взяв себя в руки, нарочито сухо произнесла она.

— Не жди, я не приду.

— Ты можешь тешить себя этой мыслью.

Дождь разошелся не на шутку, барабанил со страшной силой по крыше. Казалось, что прорвало небо, и вся скопившаяся за теплую зиму влага водопадом выливалась на изнывающую от жажды растительность.

Бриар ворочался в постели, как на раскаленной сковороде. Даже накотившее физическое утомление от схватки с бандитами и общением с Лиссой не приближало желанное забытие.

— Похоже, мой сон заблудился, — проворчал мужчина.

Наконец дремота начала овладевать им, и сон начал обнимать своими мягкими лапами уставшее тело. Первые сладкие сновидения уже парили в воздухе, отодвинув в дальние уголки мозга все проблемы сегодняшнего дня.

— Чем ты занимаешься? — прозвучал над ухом Бриара препротивный тоненький голосок.

— Чай пью, — зло пробурчал он, просыпаясь.

Домовой проигнорировал недовольство молодого человека и, съехав по подушке, преспокойно расположился на одеяле, сверкая бездонными глазами.

— Вот так всегда! — надулся он.

Бриар вздохнул:

— Сегодня не мой день!

Его друг, несмотря на показную обиду, уходить явно не собирался. Наоборот он удобнее расположился, стянув одеяло и соорудив из него нечто наподобие гнезда.

— Ну, чего ты хотел мне срочно сообщить? — сухо спросил Бриар.

— Мне плохо, — сообщил домовой, хлюпая тоненьким носом.

— Это хорошо, — ухмыльнулся мужчина. — Теперь плохо нам обоим.

Глазки домового непонимающе заморгали.

— Ты вредный, — констатировал он.

— Есть с кого брать пример, — зевая, пробурчал Бриар, — так, с чего тебе плохо-то? Опять с Марго не поладил?

Домовой недовольно заерзал и тихо пробурчал:

— Еще и зевает, когда с ним разговаривают.

— Я всегда зеваю, когда мне интересно, — ответил Бриар, зевнув еще шире.

— Ты что, жениться собрался? — спросил домовой, проигнорировав колкость.

Бриар аж подскочил, забыв о том, что несколько минут назад жутко хотелось спать. Домовой продолжил свои пространные рассуждения:

— Из всех твоих чувств я ощущаю только одно — чувство голода. Ты ее не любишь!

Он пространно махнул тоненькой ручкой и закатил глаза.

— Совсем недавно ты ругал меня за нерешительность! Непостоянный ты наш, — зло проворчал Бриар.

— Она всего лишь ищет грудь свободного героя, чтобы...

— Тебя внезапно на ночь глядя обеспокоили мои чувства? — перебил его Бриар.

Существо опять засопело, собираясь привести действенные аргументы. Но молодой человек прервал его мысленный поток:

— Сейчас сделали паузу и слушаем меня! — зло сказал он. — Либо тебе резко становится хорошо, и ты идешь спать, либо будет очень плохо, ты меня знаешь.

А в это время, когда Бриар разбирался с домашним духом, Аврора ходила из угла в угол. Похоже, что Морфей отправился по более важным делам, забыв напоить своим зельем жаждущих.

Для Авроры день тянулся в мучительном ожидании. Только чего она ждала? Бриар стоял перед ее глазами, заслоня собой все. Она ходила по дому, как раненое животное, усидеть на месте было невозможно. Думая о нем, она чувствовала себя так беспокойно и неловко, что яркий лихорадочный румянец не сходил с ее щек. Сейчас она была жалким опавшим листиком, подхваченным ураганом нахлынувших, неведанных ранее чувств.

— В записке я не указала время и место! — воскликнула она и с радостью от того, что нашелся выход, побежала за бумагой и ручкой.

Аврора удивлялась собственному безрассудству. Но у нее была одна цель — увидеть Бриара во что бы то ни стало. Женская интуиция подсказывала, что его тоже влечет к ней. Она чувствовала на себе его сжигающий взгляд, она помнила его сжатые ладони: он словно защищался от самого себя. Неужели не уймется тоска, сжигающая душу?

Аврора, схватив крошечный листок бумаги, написала несколько слов.

Они встретились днем на городской набережной. Зачем она так неосторожно, дерзко и легкомысленно в необузданном порыве примчалась сюда?

— Прости, Аврора, — вместо приветствия произнес Бриар, — во второй половине дня я должен увидеться с другом детства. Он привез известия от Орнеллы, сестры.

Они смотрели друг другу в глаза долгую минуту. Страшное волнение охватило девушку при звуках его голоса. Сейчас она и сама не знала, зачем пригласила его на встречу, и очень боялась вопроса: «Ты что-то хотела мне сказать?». Ведь Аврора хотела его просто увидеть, услышать его голос.

Бриар, посмотрев на растерянную, покрасневшую от волнения девушку, улыбнулся:

— Здесь недалеко есть неплохой ресторанчик, маленький, но чистый, да и хозяйская еда недурна. Если честно, я со вчерашнего вечера ничего не ел.

Аврора, оживившись, с радостью закивала в ответ. Они молча пошли вперед, девушка, чувствуя, что ее распирает счастье, взяла его под руку. Они шли по набережной. Молодые, высокие, прекрасно одетые — молодые люди подходили друг другу, как две половинки одного целого. Здесь на шумной набережной они выделялись из толпы, обращая на себя взоры окружающих.

— Знаете, мы с тетушкой часто здесь гуляли, — с улыбкой, погрузившись в воспоминания, тихо произнесла Аврора.

Улыбнувшись, Бриар напомнил:

— Мы ведь уже на ты?

— Да, забыла, — смущенно пробормотала она.

— Расскажи о том времени, — попросил Бриар, чувствуя, что непринужденный разговор поможет девушке окончательно расслабиться.

Аврора какое-то время молчала, словно вспоминая навеянное этими минутами детство.

— Мы с тетушкой выходили из особняка и присоединялись к толпе на набережной.

Аврора рассмеялась:

— Она страстно уверяла, что такие прогулки полезны для фигуры и цвета лица. У меня до сих пор перед глазами такие четкие картинки из детства. Вот, она говорит мне, что морской воздух надо вдыхать полной грудью, а вот ветер срывает ее шляпку, и нам приходится забыть о приличиях и рвануть за ней.

Бриар молча взял руку Авроры в свою и крепко сжал ее. От этого простого знака внимания по спине девушки побежали мурашки, но она продолжила рассказ:

— Набережная тогда еще выглядела по-другому. Может, помнишь, парк был более запущенным, но при этом какимто загадочным. В детстве мне казалось, там можно встретить единорога, — хихикнула девушка, — а еще островки между каналами, деревянные мосты...

Ее лицо, мечтательно подернутое дымкой воспоминаний, разгладилось, и девушка вздохнула:

— Набережную перестроили, и все стало каким-то скучным.

— Вроде неплохо получилось, — пожал плечами Бриар.

— Нет, все стало слишком правильным, что ли. Не осталось того очарования.

Бриар улыбнулся и ласково посмотрел на девушку.

— Возможно. Расскажи еще.

Аврора весело рассмеялась:

— Иногда я от этих прогулок чуть не ревела.

Мужчина кинул на нее заинтересованный взгляд, а девушка с лукавыми искорками в глазах пояснила:

— Тетушка придумала правило: доходить на каждой прогулке до конца эстакады. Для меня это было сущим мучением, дорога казалась бесконечной, а конец пути — почти недостижимым. Но все равно каждый день, практически в один и тот же час мы собирались и выходили, а остановить тетушку мог только ураган.

Пролетавший мимо них экипаж резко затормозил, обдав клубами пыли все прилегающее пространство. Прохожие, охнув, отскочили в сторону. Из экипажа вышел господин Моро и торопливым шагом направился напрямик к молодым людям, остановившись напротив. Сощурился глаза и невольно наклонив голову набок, он оценивающе смотрел на них, словно увидел впервые.

— Папа? — прошептала Аврора, как ребенок, застуканный на месте преступления.

Бриар легким кивком головы поприветствовал своего начальника. Выражение лица господина Моро было на редкость умиротворенным.

— А вы неплохо смотрите вместе, как я раньше этого не замечал?

— Что ты хочешь этим сказать? — опять прошептала Аврора.

Он, проигнорировав вопрос дочери, продолжил свои рассуждения:

— Какого черта я подыскал тебе этого слюнтяя-жениха, даже не подумал...

Аврора с Бриаром переглянулись, а Моро, благожелательно ухмыльнувшись, пробурчал:

— Ладно, гуляйте пока, разрешаю.

Потом, насладившись произведенным эффектом, развернувшись, пошел в сторону своего экипажа, оставив на лицах молодых выражение крайнего изумления. В глазах Авроры читался вопрос: «Что это было?».

Бриар с улыбкой протянул ей руку, и они продолжили свой путь по выложенной брусчаткой аллее.

— Сегодня отец странный какой-то, — тихо проговорила Аврора, словно пытаясь понять пространные фразы, брошенные Моро, — ты думаешь, что все будет хорошо?

— Скажи, а ты правда ничего не уловила? — задумчиво спросил ее Бриар.

— Не понимаю, — она посмотрела на него своими ясными глазами.

— Я говорю про мысли твоего отца.

Аврора, покраснев, молча отвернулась. Молодой человек продолжил:

— Ты можешь все видеть и слышать сама задолго до того, как мысли сформируются в слова. Ведь так?

Она долго смущенно молчала. Этими словами была задета ее самая сокровенная тайна. Аврора, потупившись, посмотрела на Бриара и, словно, извиняясь, сказала:

— Я уловила, что ты постоянно думаешь о своей сестре, с ней что-то произошло?

Бриар рассмеялся.

— Bravo, девочка, похоже, находясь рядом с тобой, мне придется блокировать свои мысли, — и, заметив, что Аврора покраснела, добавил, — не смущайся, ты умница, настоящая Химера!

— Тише! — прошептала она, окидывая взглядом набережную. — Нас могут услышать.

— Не переживай понапрасну. Думаю, прежде всего, тебе нужно разобраться в себе и принять себя такой. Вот тогда ты одержишь настоящую победу.

Аврора глубоко вздохнула и, опустив голову тихо произнесла:

— Когда я была маленькой, то мои «ясновидение и телепатия» пресекались на корню родителями. В более сознательном возрасте, когда я уже смогла управлять своими способностями, то научилась блокировать поступающую извне информацию, чтобы обезопасить, прежде всего, себя от последствий. Сейчас я предпочитаю быть как все.

Она вздохнула и грустно улыбнулась, словно стесняясь того, что сделала.

— Не смущайся, милая девушка, — тихо сказал Бриар и поцеловал тыльную сторону ее ладони, — чтобы смириться со своим даром и принять его, нужна сила воли и поддержка. А ты с этим была одна.

Он знал, как никто другой, что жить с таким даром нелегко. Как нужно заставлять себя не влезать в голову каждого, опережая медлительную человеческую речь. Быть как все — это главное, к чему мутанты шли всю свою сознательную жизнь. За разговорами они дошли до маленького ресторанчика, находящегося на нижнем ярусе набережной, у самой кромки воды. Когда они уселись за свободный столик, Аврора наконец тихо произнесла:

— Я даже не смела мечтать о том, что провидение пошлет мне человека, настолько близкого мне.

Она протянула ему руку, глядя на него полными веры глазами. Бриар почтительно поцеловал ее тонкие пальчики.

Вести разговоры о запретных темах больше не хотелось. Они шутили, смеялись, даже станцевали пару танцев, не заметив, как пронеслось время. Бриар, посмотрев на часы, удивился, что они провели здесь намного больше времени, чем он рассчитывал.

— Ох, друг мой, — встрепнулся он, — у меня же назначена встреча.

Он не успел договорить, как приятный мужской голос прервал его извинения:

— Я облазил все значные места в поисках друга, а он тут развлекается!

Бриар усмехнулся, покачав головой, а Аврора встретила взглядом с искрящимися карими глазами незнакомого молодого человека.

[Купить полную версию книги](#)

Шип, колючка

Существо, пожирающее сны и кошмары.

Санта-Спес — основанное более ста лет назад мощное независимое государство с сильной армией, возрождающейся экономикой и национальной валютой, получившее свое название в честь древнеримской богини надежды Спес. Эта богиня, возведенная в ранг святых, стала надеждой отчаявшихся, обездоленных жителей нового государства, отрадой и утешением.

Вампал, как и он сам — результат случайной комбинации генов или слепых сил. Бриар помнил, как первый раз увидел это маленькое злобное существо. Перед самой весной, охотники убили волчицу, а волчат растерзали охотничьи лайки. Одного, самого маленького отцу удалось спасти. Волчонок тихо попискивал, маленькое сердечко бешено колотилось, когда он запихивал пушистый комок в мешок. Няньки в ужасе побежали жаловаться маме, когда отец вытрусил это маленькое чудовище на ковер. Волчонок прижимал уши, блестящие глаза его метали грозные искры, это выглядело очень смешно и забавно. Бриар нянчился с ним. Втайне от матери таскал для волчонка лучшие куски мяса со стола, бережно держал в ладошках, прижимал к щеке и был невероятно счастлив, что в доме появилось озорное существо, о котором он мог заботиться...

Старинная Рейнарская песня

Додекаэдр — один из пяти возможных правильных многогранников, имеет 12 граней (пятиугольных), 30 ребер и 20 вершин (в каждой сходятся 3 ребра)